

Владимир Неробеев

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

*Сам я родом из СССР
Воспоминания о себе любимом*

Владимир Сергеевич Неробеев

Сам я родом из СССР.

Воспоминания о себе любимом

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66645254
SelfPub; 2021*

Аннотация

Люди, прожившие всю свою жизнь при социализме, похожи на цветы, что растут в теплице – за ними особый уход. Дикий, степной цветок принимает на себя все невзгоды природы. Сумел выстоять – ты на коне. Это закон рыночного запада. Не потому ли у нас рыночные отношения «пробуксовывают»?! Партийные и комсомольские работники, службисты из правоохранительной системы, стоявшие ближе к государственной кормушке, враз стали миллионерами и олигархами. Влюблённые в свою профессию учителя, учёные, врачи и прочие остались у разбитого корыта. В этой книге я пытаюсь осмыслить свою дорогу, которой пришлось пройти в этой жизни...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

«Отец родной».	4
Война без поля брани.	18
Когда Музы говорят, пушки молчат.	31
В своей «тарелке».	60
Об ударнике и ботинке.	61
Новая метла, по-новому метёт.	62
Быль университетская. Уроки немецкого.	112

Владимир Неробеев

Сам я родом из СССР. Воспоминания о себе любимом

«Отец родной».

Быть до конца честным не всегда получается. Поэтому, наверное, отвечая на вопрос военкома области, полковника Сухарева, я слукавил. Беда не ахти какая, но хотя бы здесь, на чистом листе бумаги надо быть откровенным. Сухорев спросил:

– У тебя же бессрочная бронь! Что же тебя так тянет под ремень?

Действительно, уже три года меня не брали в армию. Я был, не пойми кем: то ли баянистом, то ли певцом – солистом, балалаечником, гармонистом-частушечником в профессиональном хоре.

(Тогда, ой, как престижно было для каждого областного центра иметь народный хор). Наш хор любил и пестовал не кто иной, как первый секретарь обкома партии. Вот отсюда и бронь!

Он редко пропускал репетиции: прямо с работы часов в шесть садился в зале в четвёртом ряду и не уходил до конца занятий. Нужды финансирования он тут же записывал в блокнот, да и другие вопросы содержания хора, не оставались без его внимания. Вот и призывы в армию держал под своим контролем. Короче, «родной отец» и этим всё сказано. Кстати, о «родном отце». Такой вот случай произошёл со мной. В выходной мы праздновали (чей – сейчас не упомяну) день рождения. Естественно, назююкались до пороссячьего визга, и вот в таком состоянии я пошёл на площадь, где были телефоны автоматы, звонить своей милашке. Время было позднее, далеко за полночь. Стою в будке, – а меня штормит, как в открытом океане, того гляди грохнусь на землю вместе с будкой. Я нисколечко не замечал своей качки, зато проезжавший на мотоцикле ночной патруль меня засёк. Они дождались, когда я закончу разговор и увезли меня в вытрезвитель. Дежурный разбудил женщину – врача, чтобы меня освидетельствовать. Та вышла, заспанная с распущенными волосами и возмутилась:

–Чего его освидетельствовать, он лыка не вяжет, еле на ногах стоит, – сказала недовольная женщина и вернулась в свою комнату. Дежурный стал составлять протокол задержания. Слегка замёрзший патруль тут же грелся чаем. Дежурный спросил меня:

–Как фамилия? – разрази меня гром, не знаю, по какой причине я назвал фамилию «родного отца». Дежурный офи-

цер сначала позеленел, и у него задрожали губы, затем застучали зубы и он, глядя на ночной патруль, покрутил дрожащим пальцем у виска. («Родного отца» боялись не только менты, но об этом чуть позже).

—Доставить откуда привезли! — рывкнул офицер и, изорвав бланк протокола в клочья, кинул их в сержантов. Не говоря ни слова, ни полслова, на том же мотоцикле меня доставили к той же телефонной будке. Так вот о «родном отце».

Его все боялись, как огня, особенно чиновники. За что? Вот несколько случаев.

Он на работу всегда ходил пешком, и постоянно менял маршруты. Коммунальные службы «стояли на ушах», — вдруг, увидит какой непорядок! Как-то, зашёл в продуктовый магазин. Это сейчас с обёрточной бумагой всё оккей, а тогда она была на вес золота. Продавец не знала в лицо «родного отца», и на его просьбу взвесить килограмм муки, резанула прямиком: «Во что тебе сыпать, в шляпу?» «Родной отец» снял с себя шляпу и протянул продавцу. Та со словами: «Чудак человек» насыпала муки, он же, прикрывая ладошкой муку, чтобы ветер её не раздувал, пришёл к себе в кабинет, положил шляпу на стол и приказал секретарше немедленно вызвать начальника торга. Тот прибежал, запыхавшись, прямо в одежде, только снял фуражку и, держа её в руках, вошёл в кабинет «родного отца». Первый мило с ним поздоровался, закрывая собой шляпу с мукой, что лежала на столе, и произнёс дружелюбно:

–Слушай, говорят твоя жена здорово печёт пирожки с капустой, у меня вот прямо слюни ручьём текут. Попроси, пусть испечёт, – и ловко пересыпал муку из своей шляпы в фуражку начальника торга. Тот пулей умчался наводить порядок в магазинах. А вот другой случай.

Для Первого авторитетов не существовало. Как-то он заехал к проходным крупного завода, одних только рабочих насчитывалось около пяти тысяч. Директор завода был превосходным руководителем: восемнадцать лет к ряду его завод удерживал знамя социалистического соревнования среди себе подобных. Но, как говорится и на солнце есть пятна. Около проходных завода образовалась такая большущая лужа, и не было с ней никакого сладу: рабочие обходили её сторонкой, держась за забор, и чуть не падая в неё. Директор попадал на завод через задние ворота, от которых жил недалеко, а об этой луже ни слухом, ни духом не ведал. Так вот «родной отец» подъехал к проходным и остановился на своей черной «волге» прямо на середине лужи. Вахтёры тут же заметили его, мало того, узнали по номерам машины кто таков, открыли ворота и стали показывать руками, чтобы он проезжал на территорию. «Родной отец» приоткрыл дверку, представился и попросил вахтёров пригласить директора завода. Тот мухой прилетел и краешком лужи стал ходить в ботиночках, интересуясь, сломалась машина что ли. Мигом мастеров пришло, мол.

–Да нет, не сломалась, – отвечал Первый, – у меня дело

к тебе. Иди сюда, а то я на совещание опоздаю, – для понта глянул на часы. Вопрос к директору был пустяшным, что-то о футболе, но главное, он вынудил директора топать в ботиночках по луже, которую тут же, как только скрылась «волга» Первого, засыпали гравием и укатали асфальтом. Вот таким чудачком был «родной отец».

Принято говорить: «Бог любит троицу». Расскажу вам и третий случай из жизни «родного отца» Его нам поведал хормейстер Чулков «с глаза на глаз», то бишь по секрету на одной из репетиций. Дело было так. Первому позвонил сверху «свой человек» и сообщил: на него, на «родного отца» пришла анонимно «телега», где дотошно сообщалось о всех чудачествах первого секретаря. Тогда (сейчас не меньше прежнего) подковёрная борьба за власть шла на всех уровнях. (Народ-то про это не знал, да и когда знать: кто же тогда б, засучив рукава, строил коммунизм). Чиновники всех уровней втайне сколачивали вокруг себя группы, исходя из личных интересов, старались спихнуть, скovyрнуть того или иного неудобного им лица. (Вот они, прародители сегодняшних бандитских стрелок и разборок). «Родной отец» стал неудобным лицом для второго секретаря, который метил в его кресло и начал копать под ним яму, да сам в неё и угодил. Известно, что во всякой борьбе или битве неожиданное действие одной из сторон, и напор, с каким происходит это действие, опрокидывает вверх тормашками все приготовленные уловки другой стороны. После звонка «своего

человека», «родной отец» созвал укороченный внеочередной пленум обкома и провёл его как по нотам. Сам был режиссёром, для чего пригласил на заседание всех действующих лиц тех чудачеств, перечисленных в «телеге». Начался пленум кратким сообщением второго секретаря обкома о ходе уборки сахарной свёклы. Это заняло всего две, три минуты. Второй дольше собирался и выходил к трибуне. Да так и остался около неё. Первый, после краткого сообщения второго, попросил его не уходить от трибуны и стать третьей-ским судьёй. «Родной отец» достал «телегу» и стал её зачитывать. На каждом чудачестве, указанном в тексте, он останавливался, поднимал с места действующее лицо, участвовавшее в оном чудачестве, и спрашивал: «Что, это действительно так было?» Ну, какой же дурак будет рубить сук, на котором сидит. Действующее лицо от неожиданности уподоблялось варёному раку, невразумительно пожимало плечами, сконфуженно разводило руками, не выронив ни слова, садилось. Только один директор завода, что измерял ботинками лужу, был прямолинеен:

– Да это бред сивой кобылы! Хотел бы я взглянуть в бесстыжие глаза автору этого пасквиля.

Всё произошло так неожиданно для Второго (подозрительно быстро вернулась «телега», хотя «свои люди» обещали передать её прямо в руки Генсеку), что он был ошеломлён, смят и сломлен. Бедняга пытался не подавать вида, но тонкая струйка меж его туфель, извиваясь, неумолимо на-

полнила довольно приличную лужу.

Вот такие были у нас «родные отцы». Когда я заявил в военкомате о своём желании идти служить в армию, полковник Сухорев доложил об этом «отцу». Тот был не в духе и послал военкома подальше, что в какой – то степени обрадовало его. Дело в том, что на действительную службу призывался сорок третий год. Мужиков – то не было в сорок третьем. От кого бабам рожать? Подчинённые Сухарева скребли по всем сусекам, инвалидов, подслеповатых. На плоско-стопие иже с ним подобные изъяны, смотрели сквозь пальцы. Всех под гребёнку! А тут я здоровый бык (по словам того же военкома) среди бабских юбок буду жать на перламутровые клавиши. (Эти милые моему сердцу кнопочки, будут основным оружием на моей действительной службе). Но об этом плотом.

Я так и не сказал правду военкому Сухареву. Слукавил. Тому была причина. Вот она, правда. Я представил себе, что рано или поздно мне всё равно придётся идти в армию, и как я буду выглядеть в рядах бойцов. «Старик» (по армейским меркам) двадцати семи восьми лет среди желторотых двадцатилетних. Сдую ли трёх, пятикилометровые марш броски, изнурительную строевую подготовку. В свои двадцать три я ещё могу с любым потягаться. Вот в таком настроении я пришёл в хор и объявил о своих намерениях, пригласив на проводы всех желающих. Пришли все, вернее приехали на нашем автобусе около шестидесяти человек. Два дня гудели,

а вернее сказать пели, ибо хоровиков мёдом не корми (а тем более водкой), но дай попеть. Многие тогда потеряли голоса, охрипли, и долго потом приходили в себя. Утром второго дня, я уехал на призывной пункт, остальные продолжали «проводить» меня.

Порою кажется, что ты сам себе хозяин и волен выбирать свой жизненный путь. Но это только кажется. В этом я вскоре убедился на личном примере. На призывном пункте меня определили служить в Саратове. Двадцать молодых людей в душном зале на нарах ждали отправки в Саратов. Я прикнюл к ним двадцать первым. Тут в середине дня объявился «покупатель» (так звали тех, кто приезжал из частей на призывной пункт набирать новобранцев), крикливый старшина с планшетом на длинном ремешке. Он хромал на левую ногу, и планшет вынужден был громко хлопать его по бедру при каждом приседании. Этот «покупатель» открывал каждую дверь призывного пункта и начинал ругаться:

–Ну, что это такое!?! Ни одного нормального не дали. Одни инвалиды. Что я с ними буду делать.

Кто-то на нарах шепнул, что этот старшина из соседнего областного центра. Вышедший из одного кабинета лысый мужчина в белом халате (очевидно начальник призывного пункта), протирая очки полой халата, сказал:

–Ну, вот они все на виду. Кого я тебе дам? – спросил он старшину и тут же обратился к нам. – Есть среди вас здоровые.

Меня ветром сдуло с нар. Какая – то невидимая сила руководила мной тогда. Долго я потом вспоминал, почему так получилось, и не мог найти вразумительного ответа.

–Здоровый как бык, – отчеканил я, вспомнив слова военкома.

–Забирай, – коротко буркнул мужчина в халате, – Не забудь документы на него переоформить.

Следующим утром я уже был в спортивном зале воинской части, где на матах сидели и лежали много таких же, как мы в ожидании своей участи. Сквозь широкие окна спортзала, обтянутые капроновой сеткой, хорошо было видно, как рота за ротой после марша по плацу, заруливала в полуподвал, где, как узнали мы позже, находилась столовая. Солдаты заходили, чуть ли не строем, а поев, выходили вразвалочку, засунув пилотку под ремень. Большинство шли в курилку. Несколько солдат зашли к нам в спортзал. Это своего рода «покупатели» от рот. Они спрашивали, нет ли среди нас спортсменов. Тут зашли солдат и сверхсрочник. Солдат спичкойковырялся в зубах, сверхсрочник громко ему рассказывал:

–Звоню по телефону, а в трубке какой-то хрип и я ничего не понимаю. Кричу «алло, алло», а в трубке хрип. Потом, наконец, заговорила женщина, жена Чулкова, она танцовщица. Объяснила хрип в трубке. Оказывается, они два дня напролёт гудели, провожая в армию какого-то Z, – и сверхсрочник называл мою фамилию. Сердце у меня затрепетало, как заячий хвост. В чужом городе, в воинской части вдруг про-

звучала фамилия нашего хорместера и моя собственная. Тут сверхсрочник обратился к новобранцам:

–Музыканты есть? – я поднялся с мата, пошёл им навстречу. Назвавшись, поинтересовался:

–Сильно охрип Петр Андреевич? Как же он будет теперь проводить репетиции.

Солдат и особенно сверхсрочник остолбенели. Оказывается, они были закадычными друзьями с хормейстером Чулковым.

–Да ты знаешь, – наконец выдавил из себя сверхсрочник, – я ему сейчас позвоню и скажу, что ты в моей части, он вообще потеряет дар речи.

Вот таким образом, судьба мне преподнесла ещё одного «отца родного». Теперь уже в армии. Не будь его, мне пришлось бы не сладко. Нам, поскрёбышам военкомата, предстояло пройти курс молодого бойца. Был конец ноября, а шестого или седьмого декабря принимать присягу. Неделю, как шахтёры в забое, упирались и ногами, и рогами, – нужно было навёрстывать упущенное. «Отца родного» до присяги я ни разу не видел. От «старичков» узнал, что это начальник клуба Слуцкий, а солдат срочник, что был с ним в спортзале, Бархатов – солист областной филармонии. Он появлялся в части только пообедать, иногда торчал на репетициях. Служба у него, скажу вам, разлиули малина, да и у меня, как я понял после присяги, хуже не будет.

Во время присяги я стоял на плацу в строю и увидел Слуц-

кого на проходной. Дальнейшее я воспринял как сон. Из проходного гуська, держа на руках концертные костюмы, на цыпочках, чтобы не мешать принятию присяги, через весь плац в спортзал прошли все участники нашего хора. Был памятный день: присяга закончилась большим концертом, в котором я, новоиспечённый солдат в армейской форме выступал с хором, и делал всё, что раньше делал в концертном костюме.

Командир части полковник Хрустов был в не себя от радости, крепко жал руку своему замполиту за хорошо организованный праздник, хотя точно знал, что это дело рук Слуцкого. Слуцкого он не любил потому, что тот искусно пародировал Хрустова, особенно его голос. Современные пародисты Галкин и Винокур отдыхают. Только штабные и ротные офицеры, бывало, соберутся на плацу в курилке передохнуть от тяжкой службы, потравить анекдоты, Слуцкий, спрятавшись за кустами можжевельника ка-ак рыкнет голосом комполка, те – в рассыпную, а Слуцкий выходил из укрытия, поправляя ремень с португеей, хохотал от души. Кстати сказать, в части был ещё один пародист, которого комполка не очень-то жаловал. Случилось это на спорт площадке в выходной день. Играли в волейбол. Играл рядом с солдатами и комполка, но в спортивной одежде не был так приметен. «Болельщиков» на скамейках сидело много. Тут мимо проходил кинолог ефрейтор Овсебян со своим любимцем овчаркой Джульбарсом. (Они друг с другом никогда не расставались). Тут один сол-

дат крикнул кинологу (Овсепяна звали Эдиком):

–Эду! Покажи класс.

Кинолог не заметил комполка на площадке и по простоте душевной приказал собаке:

–Как ругается старшина девятой роты!

Собака подняла морду кверху и гнусавым голосом часто, часто залаяла: «Гав,гав,гав,гав,гав...»

–А как ругается начальник штаба! – скорее приказал, чем попросил ефрейтор Овсепян.

Собака стала в позу, чистым голосом два раза гавкнула: «Гав, гав».

–А как ругается командир полка, – не унимался Овсепян. Спортивная площадка замерла. Овчарка набрала полно грудь воздуха и гаркнула только один раз, но так зычно, каким-то утробным голосом. Болельщики буквально взорвались, стали падать со скамеек от смеху. Все почему-то забыли про командира полка, который стоял тут же на площадке на подаче. Он бросил мяч, снял со взмокшей головы спортивную шапочку, вытирая ею пот с лица, пошёл на встречу кинологу. Вмиг спортплощадка стихла, да так, что слышно было как пищали комары. Полковник подошёл к ефрейтору Овсепяну, пожал ему руку и тихо, тихо (но слышали все) сказал:

–Десять суток гауптвахты. «Будет время ещё что – ни будь разучить с собачкой», – сказал комполка и удалился за пределы части.

Извините, я с этими пародистами сбился с дороги.

После присяги и концерта стали прощаться. Юля Гаврилова подошла к замполиту и попросила:

–Вы тут не обижайте нашего Воробышка (меня так ласкательно называли в хоре) Он у нас такой хороший, – девушка поднялась на цыпочках, дотянулась до моих губ и поцеловала.

–Да никогда в жизни, – вырвалось у подполковника машинально и довольно естественно. В искренности слов командира я убедился тут же, как только уехали мои друзья. Через плац, чеканя шаг, шёл сержант срочной службы Гозмавнюк, помощник командира нашего взвода. Его почему-то все звали просто Гавнюк. Наверное, настоящая фамилия сержанта замысловата и слишком длинно звучит. Подойдя к нам, он отдал, как положено, честь офицерам и обратился к замполиту:

–Товарищ подполковник, разрешите обратиться к рядовому Z, – и назвал мою фамилию. Офицер кивнул головой, мол, обращайся. Дальше голос сержанта звучал уже по – другому, – ясно слышалась командирская нотка. Он приказывал мне переодеться и заступить на дежурство в кочегарку.

–А в чём дело? – перебил сержанта замполит.

–Рядовой Z на днях проштрафился, и получил от меня взыскание: наряд вне очереди. Вот сегодня он должен...

–Постой, постой служивый, – остановил сержанта подполковник. – Ты был на концерте в спортзале? – спросил офи-

цер.

–Так точно, товарищ подполковник.

–Тебе понравился концерт?

–Так точно, товарищ подполковник.

–А знаешь ли ты, сколько труда было вложено в этот концерт? Два часа к ряду рядовой Z крутился, как белка в колесе. За эти два часа он отработал пять нарядов вне очереди. Так что у него в запасе еще четыре наряда, – закончил подполковник. Но сержант был упрямым хохлом, хотя и малость сник от слов офицера, но больно хотелось ему показать перед начальством своё служебное рвение, потому и стал упрячиться, мол, некого послать в кочегарку. Сержант слукавил. Подполковник насквозь видел таких служаков, сразу раскусил это лукавство, и ему в душу закралось мнение, что сержант «имеет зуб» на рядового Z. Это же – прямой путь к дедовщине, и замполит в корне пресёк его: сержант за что боролся, на то и напоролся:

–Некому в кочегарке службу нести? – переспросил замполит. – Сержант, проявите до конца своё служебное рвение. Немедленно отправляйтесь в кочегарку. Я сейчас заступаю дежурить по части, непременно наведаюсь туда и проверю.

Так (на время курса молодого бойца, конечно) началась невидимая миру война между мною и младшим комсоставом роты.

Война без поля брани.

Гавнюк затаил на меня злобу. Кто любит выслужиться, злобные людишки. И злопамятные. Сержант, пока шёл курс молодого бойца, не упускал ни единой возможности «щелкнуть меня по носу», и когда ему это удавалось, как ребёнок не скрывал своей радости. Его окружение (сержанты роты курса молодого бойца) то же испытывало массу удовольствий, и никто не удосужился спросить того же Гавнюка, мол, а за что ты над ним так издеваешься. Солдат как солдат. Опыта в службе нет, понятно. Отсюда и оплошности, как-то: расстёгнут воротничок гимнастёрки; не встал по стойке «Смирно!», когда мимо проходил тот же Гавнюк, а просто поднялся с табуретки. За всё это полагалось драить галюны. А я и не спорю. Кому-то же надо его драить. Драить, значит, драить. Шёл и драил галюны. Главное, чтобы не было в «одни ворота». Но Гавнюк не унимался. Я анализировал поведение сержанта. Он то ведь в часть попал после курса младшего состава. На тех курсах он бедный, очевидно, натерпелся, будь здоров! Там, скорее всего, «Гавнюки» были похлеще его, дай Бог терпения. Вот он и отыгрывался на мне. Кроме того, как подсказывает мой жизненный опыт, есть множество людей, которым очень и очень дурно, если другим хорошо. Моя служба была действительно хороша, чтобы ей завидовать.

Надо идти на политзанятия. (Может ли жить солдат без умных слов Никиты Сергеевича Хрущёва из доклада на очередном съезде партии). Тут звонок дневальному: Слуцкий требует рядового Z на репетицию новогоднего концерта.

Надо идти на строевую подготовку. Тут опять звонок дневальному роты: «Рядового Z с баяном ждёт машина у проходной, надо ехать в подшефный детский садик. Там то же предновогодние репетиции начались». Я, откровенно говоря, замотался с этими спецзаданиями. Уставший, приезжаю в часть, поднимаюсь в роту, а там уже Гавнюк, как кот возле мышиной норки, ждёт, поджидает. Видите ли, я кровать плохо заправил, плохие стрелочки навёл по бокам одеяла. Отдаю солдатам подарки от детей. (Печенье, конфеты, галеты, – без этого от них уехать просто было невозможно) и поступаю в распоряжение кота, то бишь, Гавнюка, что я говорю. Он в присутствии своих сторонников, потирая руки, начинает «выворачивать» меня на изнанку (его любимое выражение). Правда, при виде конфет и печенья изрядно глотают слюнки, но я им не даю, – не заслужили: сначала «вывернете», потом будем посмотреть.

Процедура «выворачивания» такова: Гавнюк сдёргивает с моей кровати одеяло и подушку, и заставляет меня вновь заправить постель. Как бы хорошо я не заправлял, он упрямо сдёргивал одеяло и заставлял вновь заправлять. Его свита от души гоготала, мстя мне за не выданные им сладости. Я заправляю отлично кровать, а результат тот же. В тече-

ние двух часов, пока длился у других солдат тихий час, меня тихо насиловали. Это могло продолжаться и на следующий день, следующий и следующий. Как-то мимо проходил командир нашего взвода лейтенант Васин. Он слышал гогот свиты сержанта и видел то действо, над чем они, собственно, смеялись, но не заострил своего внимания и вошёл к себе в кабинет. Через какое-то время прозвучал подъём, и солдаты пошли на плац и я с ними. На пороге меня окликнул командир взвода лейтенант Васин, попросил зайти к нему. Чтобы не нарушать канву сюжета, о Васине, о его трагедии я расскажу обязательно, но позже, и вам станет ясна картина нашего с ним разговора. . Вы не поверите, но я вновь повстречал очередного «родного отца». На следующий день в тихий час меня снова стали насиловать. Но теперь уже гогота свиты не было, ибо гоготать было не над чем. Как только Гавнюк сдёрнул одеяло с моей кровати, я прикинулся шлангом: стал ходить вокруг кровати, мурлыча себе под нос какую-то песенку, прищуривал глаза измеряя, ровно ли стоит кровать; стал поправлять пружины довольно криво закрученные, переворачивать матрац десять раз с боку на бок. Шло время, а гоготать не было причины. Я заправлял постель и на каком-то этапе сам сдёргивал одеяло и начинал по новой. Уже прошёл тихий час, идёт построение. Разве можно оставить постель не заправленной!? Гавнюк отталкивает меня от кровати, сам начинает быстро заправлять, но не успевает это сделать и получает от командира роты взбучку. Вот тут бы пригодился

гогот соратников сержанта, но им было не до смеху. Гавнюку комроты пообещал гауптвахту. И это всё итоги урока, который мне преподавал лейтенант Васин во время нашей беседы. А теперь о трагедии Васина.

Он был студентом четвёртого курса музыкального училища. Заканчивал вокальное отделение, уже шла практика, он стажировался в оперном театре. Ему прочили чудесное будущее. Он этого заслуживал. Великолепный тенор, легко справлялся с «фа-диезом» второй октавы. «Что тут такого?» – спросите вы. Да, были и есть тенора, которые берут «соль», «ля» и выше, но «фа-диез» второй октавы даёт только счастливым, как говорится, это от Бога. Во время весенней распутицы студент Васин снял мальчугана со льдины, стоя по пояс в ледяной воде. Дальше была простуда, осложнения и в результате не стало того чудного голоса. Врачи ничем не помогли ему. А тут армия. После срочной закончил скороспелые курсы офицеров, и был прислан стать командиром нашего взвода. Вот такая вот оказия. Можно ли теперь утверждать, что мы сами себе выбираем жизненный путь.

До окончания курса молодого бойца еще далеко, и Гавнюку было время «разгуляться, расплясаться» надо мною, благо мне на помощь приходили то Слуцкий, то Васин.

Три раза в неделю мы всей ротой делали пятикилометровые марш броски на пойму реки, где на её берегу расположен армейский полигон. Один взвод занимался боевой под-

готовкой, по уши зарываясь в глубоком снегу. Другой – под навесом учился не промахиваться из пистолета ТТ, попадать в цель. Третий ещё что-то и т.д. Перерывы между занятиями длились пятнадцать – двадцать минут. А мне перерыва не полагалось: Гавнюк учил меня ползать по – пластунски, животом утюжа снег. Тут же Васин подзывал меня, приказывал на краю полигона поправить перекосившиеся флажки ограждения. Тихонько при этом советовал особо не торопиться, что бы этого занятия хватило до конца курса молодого бойца. А полигон-то большой. Я нехотя слонялся от флажка к флажку, пока труба не затрубит отбой занятиям. Гавнюк, бедняга, охрип на ветру, подгоняя меня быстрее выполнять приказ. Честно признаюсь, до конца курса я так и не исправил кривизну флажков, как ни старался. А потом Гавнюка не стало. Кроме меня, у него ещё был объект воспитания во втором отделении. Рядовой Струков. На нём сержант заметил грязный воротничок. Чтобы впредь такое не случилось с другими солдатами, Гавнюк придумал такой дидактический метод воспитания подчинённых: отпарывался старый воротничок у гимнастёрки и клался на стул у изголовья солдата. Среди ночи (надо же такое придумать) сержант поднимал всё отделение, клали воротничок на простыни и несли всё это в дальний угол двора, закапывать. Ритуал такой: закопаешь грязный воротничок, и он больше никогда не появится у солдата. И другим неповадно будет носить грязные воротнички. Земля была промёрзшая, пришлось её долбить.

А долбил кто? Рядовой Струков. Лопата в один прекрасный момент соскользнула и ударила по сапогу, да насквозь и отрубил солдату мизинец на правой ноге. На следующий день Гавнюка разжаловали в рядовые и отправили на периферию. Нет, есть всё-таки на свете Бог. Когда он «выворачивал» меня на изнанку, то обещал добиться того, чтобы меня после окончания курса молодого бойца отправили на эту самую периферию. «Вместо кнопочек, – говорил он, а окружение ржало, – будешь на периферии ляжку тянуть. Через день на ремень, через два на камбуз». Бог всё-таки не Микишка, видит на ком шишка.

Вскоре закончился курс молодого бойца. Меня распределили в девятую роту, где старшиной был тот «покупатель» с планшетом, который забирал меня с призывного пункта. Потом я узнал, что этот старшина, как только привёл нас в спортивный зал, пошёл в роту курса молодого бойца и в ведомости распределения солдат по ротам напротив моей фамилии поставил галочку и приписал: «В девятую роту». Так что не будь я даже музыкантом, то ни как бы не попал через день на ремень, через два на кухню. И ещё. Я в корне не согласен с Овсепяном и его Джульбарсом, что старшина смешно ругается. Он нормальный мужик. Может быть, когда и срывался, так с нашим братом иначе нельзя. Судите сами.

Наше отделение по плану должно было заниматься боевой подготовкой: стрелять из автомата Калашникова, но не просто стрелять, а учиться отсекаать два или три патрона. Это

только кажется, что пустяшное дело. На самом деле не успеешь прикоснуться к курку, как полмагазина патронов уже по ветру гуляют.

Так вот надо было ехать на стрельбище, а офицера никакого не было. Командир роты только что уехал на полгода в академию на курсы повышения квалификации. Один командир взвода в отпуске. Другой на больничном. Третий с инспекторской проверкой мотается по периферии. Остался только старшина. Но не старшинское это дело боевая подготовка. Обмундирование там или оружие. Особенно он следил за оружием. Не дай Бог увидит в стволе автомата пятнышко грязи, – за можай загонит. Старшине пришлось всё-таки везти нас на стрельбище. Начальник штаба приказал и всё тут. Хочешь, не хочешь, а другого выхода нет. Загрузили ящик с патронами в машину и в путь. Надобно вам знать, что для учёбы отсекают выстрелы используют холостые патроны. Для солдата это такое муторное дело, ну просто швах. Представьте, когда стреляешь боевыми, пуля, проходя ствол, тащит за собой, как пылесос, всю грязь. И ствол, посмотришь, сияет радужными кольцами. А в холостых патронах другой порох, дешёвый (надо же хоть на чём-то экономить). После выстрела таким порохом ствол коксуется, и попробуй его вычистить. Мы пошущукались в машине и решили хотя бы чуть-чуть облегчить свою жизнь. Договорились набить до отказа несколько магазинов. При удобном случае садануть очередями. (Один, два автомата гуртом легче почистить, чем

каждый будет мучиться над своим). Надо было выбрать из солдат смельчака, который пустил бы очередь, другую. Жребий пал на меня. Старшина, якобы передо мной благоволил. Да, действительно он ко мне, относился хорошо. Да и другие у него не были в опале. С чего они взяли, что я числюсь любимчиком у старшины. Просто у меня закваска такая. В детстве я не водился со сверстниками, а играл с ребятами старше меня. Наверное, вот отсюда всё пошло и поехало. В клубе в самодеятельном ансамбле было много офицеров и сверхсрочников. Я вёл себя с ними на равных. Наверное, это отложило свой отпечаток на мою жизнь в роте. Кстати, вновь назначенный командир роты капитан Старцев (очень хороший кларнетист) поручил мне постоянно вести политзанятия с солдатами нашего взвода. А командир взвода старлей Орлов, который должен был проводить политзанятия, вместе со Старцевым запирались на сцене клуба и резались в шахматы.

Наверное, вот поэтому в отношении холостых патронов я пошёл на сомнительный шаг, что чувствовал себя в роте вольготно.

На стрельбище была хорошая погода. Припекало солнце. Старшина разрешил нам раздеться до пояса, снять сапоги и ходить разутыми, что и сам с удовольствием проделал. Стали стрелять. Первым стрелял старшина из своего автомата. Он умудрялся отсекал по одному патрону аж десять раз к ряду. Это довольно сложно. По крайней мере мне, новичку в этом

деле, нужны были тренировки и тренировки. Старшина даже ритм цыганочки изобразил, а паузы заполнял постукиванием костяшкoй пальца по цевью автомата. (Кстати сказать, один сверхсрочник в штабе части, скорее всего бухгалтер, изображал мне цыганочку на счётах, при этом производил точные арифметические действия). Старшина, «сыграв» на автомате очередное колено, обернулся ко мне, говоря:

– Не ты один мастак выводить коленца. На, – протянул он мне свой автомат, – попробуй, может, получится.

Я промолчал. Из автомата старшины вылетело столь гари, да я ещё прибавлю сколько, а ведь чистить свой автомат он никому не доверит. Ан дудки! Доверил, только в приказном порядке. Я всё-таки дал две очереди из своего автомата (Договор с ребятами дороже денег). После этого старшина приказал нам отдельно собрать автоматы, которые надо было чистить. Связал их ремнём, добавив туда и свой автомат.

– Это тебе как бы премиальные за усердие, – сказал полусерьёзно старшина. – Всем тихий час, а ты будешь в моей каптерке драить каждый ствол.

– Если так дело пойдёт, ты скоро разучишься играть на баяне, – смеялись Старцев с Орловым, проходя мимо каптёрки. О, «отцы родные», где вы!

Каждый тихий час я, согласно выпавшей на мою долю планиды, коптел в каптёрке, не покладая рук. Это было для меня как бы уроком: не прямиком надо ходить, а выбирать дорожку. Я ведь знал на эту тему хорошую притчу, да забыл про

неё: спрашивается, почему Сталин ходил всегда в сапогах, а Ленин в ботиночках. Да потому, что Сталин пёр напролом, а Ленин искал удобные дороги.

Однако, кроме тихого часа была и другая жизнь в части, например, занятия по боевой и политической подготовке, репетиции в клубе. Конечно, для меня предпочтительней было второе. Я так не любил муштру боевой подготовки, зубрёжку наизусть того, что в гражданской жизни мне уже никогда не пригодилось. А политзанятия!? Это же анекдот. Три года изучать один и тот же доклад Никиты Сергеевича. Марзм, да и только. Как мы его изучали? Солдаты делали всё, кроме изучения этого доклада: втихаря играли в карты, на ушко шептали друг другу анекдоты, писали письма родным и близким. Кругом одно враньё: солдат врал сам себе, делая вид, что он изучает доклад; солдаты врали друг другу и коллективно делали вид, что заняты делом; комвзвода тоже врал себе и нам, что ведёт политзанятия. На самом деле офицер был занят составлением всевозможных отчётов, схем, графиков, таблиц, которые позарез нужны были штабистам для отчёта перед вышестоящим начальством. Бедняги, офицеры были завалены этими бумажками, отсюда и ложь не открою секрета, если скажу, что мы и сейчас живём, погрязшие во лжи. Думаем одно, говорим другое, а делаем и вовсе третье. Протектор на колёсах нашей жизни давно стёрся до нуля. Он способен только буксовать, а мы делаем вид, что едем и довольно неплохо. Вот-вот догоним Запад. По некоторым

параметрам уже и перегнали ненавистных капиталистов. Например, по воровству из общего котла. И в этом вопросе мы вроде бы боремся. С коррупцией, например, а на самом деле только делаем вид. Кому охота, к примеру, торчать день, а то и два в очереди, чтобы пройти техосмотр. Не будь очереди и волокиты, да ради Бога. Нет, ты вынужден сунуть нужному человеку две, три тысячи рублей, и, получив от него оформленные документы, со спокойной совестью крутишь баранку. А если учесть, что у нас везде и во всём очереди, то можно смело заявлять: россиянин рождён для очередей.

Есть, однако, в нашей безобразной жизни небольшие отдушины. Это то дело, которые мы любим и отдаём ему всего себя без остатка, да и всю свою жизнь туда же. Живя этим делом, мы забываем обо всём на свете. Мне до лампочки было враньё на политзанятиях, когда я приходил в армейский клуб на репетицию. Конечно, кто-то сейчас скажет про меня: «Да ладно, сачок несчастный. Ты убегал в клуб, чтоб не нести, как все службу». Доля правды в этом есть, но только маленькая доля, и вы сейчас поймёте почему.

Однажды Слуцкий принёс на отрывке простой бумаги (заметьте, не нотной, а простой) какую-то песню и принялся с нами разучивать её. Концерт завтра в Доме Офицеров, не в нашей части среди своих друзей и знакомых, а на другой сцене и для другой солидной публики. Управление КГБ СССР проводило всесоюзное совещание чекистов. Оно не афишировалось по понятным причинам. Но мы знали и готовились

к концерту. Слуцкий дал мне куплеты этой песни, и я должен завтра её спеть. У меня была отличная память, но в такой ситуации, когда нужно «по заказу» ...иная тематика... я просто выбивался из колеи. Ладно, в сторону все эмоции! Идёт концерт, я начинаю петь. Первый куплет, второй, третий. Всё хорошо. В последнем куплете мне память вышибает последнюю строчку. Нужно время, чтобы вспомнить её. Как сейчас, помню пою: «И, если я по дому загрущу, под снегом я фиалку отыщу...» И здесь провал. Слуцкий дирижировал ансамблем, стоял в пол-оборота ко мне. В этот момент он закрыл глаза, но движение рук не остановил. Я стал нести чушь, состоящую из нескольких слов, типа: «И завтра спутник в небо запущу!» И тут просветление в памяти, и Слуцкий открыл глаза, показывает мне на свой рот, мол, пой за мной, и мы вместе с ним закончили: «И вспомню о Москве!». Лажа была настолько незаметной, что не повлияла на овации зала. Песенка эта была только у режиссёра фильма. Завтра она шагнёт с экранов на радио и телевидение. Станет хитом на долгие, долгие голы. А мы её спели сегодня. Сколько радости для творческого человека! Ради таких мгновений проходит наша жизнь.

И снова я возвращаюсь к мысли, что не мы выбираем пути наши. Как-то на репетиции мы разговорились с гитаристом Володей Кудрявым. При нашей части была средняя школа для солдат, желающих получить среднее образование. Володя посещал девятый класс. Узнав, что у меня только семь

классов образования, он предложил мне ходить с ним на занятия, естественно, записавшись у директора школы.

–Будешь сидеть со мной, – хлопнул меня по плечу Кудрявый, – я один за партой.

–Как же можно после семи сразу в девятый? – вырвалось у меня.

–Но ты же закончил два курса музыкального училища, – возразил мне приятель. Мы, студенты музучилища, действительно изучали предметы общего образования, но поверхностно, с пятого на десятое. Вот это своё сомнение явыложил Кудрявому. А у него присказка такая была: «Три к носу, – всё пройдёт». С этими словами он и поволок меня на новое поприще, которое мне в дальнейшем так пригодилось, хотя тогда я и не думал, не гадал, что так в прок всё это получится. Вот и подумаешь теперь: сами ли мы творцы своей жизни.

Когда Музы говорят, пушки молчат.

То, что мы творцы своего настроения, это точно на все сто процентов. Хотелось бы начать говорить об этом, предварительно, заглянув в «прекрасное далёко», в не возвратную молодость. Я так любил петь, и у меня это неплохо получалось. Пел глубокой ночью, когда всё вокруг стихало, молкло. Я уходил далеко в поле. Ясная луна заливала серебром окрестные долины, и голос мой, не ведая преград, плыл над степью и где-то у горизонта нежно замирал. Начинал свой концерт всегда с одной и той же песни. Она была как бы камертоном для моего настроения. К сожалению, и тогда, и теперь я не знаю авторов этой песни. Откуда она в меня вселилась, понятия не имею. Ни по радио, ни на телеэкране ни тогда, ни теперь я её не слышу. Порою мне кажется, что я её сам сочинил, но это не так, нет не так. Вот её слова. Сожалею, что слышал их не все, а может запомнил. Всего два куплета.

Помню вместе с тобой мы, бывало,

Уходили в зелёную рожь.

Наша песня подолгу звучала,

Но сейчас ты её не поёшь.

Я шепчу твоё имя ночами,

Я зову тебя так, как сейчас.

Отчего счастье ищут годами?

А находят всего только раз.

Даже, если бы у этой песни не было щемящей душу мелодии, то сами слава, одни только слова проникали в моё сознание, глубоко, глубоко волновали мою сущность, нагоняя слезу. А уж что говорить о мотиве? Он божественен, и не повторим. Выводя его в ночной тиши, я, как бы переставал быть землянином, словно Бог давал мне крылья, и я парил в небесах над необъятными степными просторами. После этой песни всё что я ни пел, получалось на высоком уровне и с вдохновением. И тогда, в детстве и теперь я часто задумываюсь, почему так получается. Какое-то такое состояние, когда не ты делаешь, а кто-то другой в тебе управляет твоим делом. Про одних в таком случае говорят, мол, вошёл в раж, на кураже, о других, делающих негативные поступки, – шлея под хвост попала, чёрт или бес в него вселился. Одни, находясь в таком состоянии, идут на подвиги, на благие дела, других тянет на драки, а то и на убийство. У М.М. Пришвина я вычитал такую мысль: надо любить дело, которым ты занимаешься, тогда будет выходить талантливо. Чем крепче любовь к делу, тем талантливее вещь. Получается так, глубина таланта пропорциональна умению человека погружаться в тот самый кураж. Вспомним, как Н.В. Гоголь описывает известного всему литературному миру писаря. С какой любовью тот выводил титульную или заглавную буквы. Самозабвенно

склонялся над столом, так увлечённо писал, что даже не замечал, как изо рта тонкой струйкой стекала слюна. Это Гоголь писал о себе. Никто не любил своё дело как Гоголь. Отсюда и у него что не книга, то шедевр.

Великое дело вдохновение и для гениев, и для простых смертных, как я. Снова возвращаюсь к своим ночным концертам

Как-то на утро после такого концерта, с мамой заговорил руководитель студенческого отряда, приехавшего к нам в колхоз убирать картошку. Он настаивал, чтобы она отправила меня в областной центр в музыкальное училище. К сожалению, вокального отделения там не было. Тогда бабушка, царство ей небесное, вытащила в тряпицу завёрнутые свои сбережения, которые хранила на случай смерти, и купила мне баян. Вот отсюда всё пошло и поехало. Участие в армейской самодеятельности, поднимало мой жизненный тонус. А без него человек – ни что.

Очень большую зарядку солдатам давали строевые песни. Как я любил с взводом маршировать на вечерних прогулках. Именно на вечерних, а не на дневных хождениях строем. Вечером город затихал, даже трамваи визжали колёсами на поворотах не так громко, как днём, словно прислушивались к нашему пению. Хорошо нам давалась песня «Непобедимая, и легендарная». Песня проникнута таким боевым духом, таким напором, что даже не имевшие слуха солдаты, пели её с самозабвением, с блеском в глазах. Она объединя-

ла нас, сплачивала. Наш шаг становился твёрдым, но лёгким и поступь роты казалась неукротимой. Врачи и медицинские сёстры, помню, всегда выходили на крыльцо военного госпиталя, слушали, пока не закончится вечерняя прогулка. Наша рота постоянно занимала первые места в конкурсах по строевой подготовке. Я и сейчас не могу быть равнодушным, когда слышу: «Вставай страна огромная» и «Непобедимая и легендарная». Мурашки по всему телу и каждый волосок по стойке «Смирно!»

Настроение – большое дело для человека. Хотя есть такие люди, которые не нуждаются в камертоне. К примеру, временный командир нашей роты капитан Старцев. Он был весёлым, шутил, балагурил, без подначек жизни не знал. Правда, всегда корректен, кого-то специально высмеять, – Боже упаси. С ним было интересно. Не дай Бог на его месте оказался бы какой – ни будь дундук, вроде командира роты связистов. Подчинённые, почему дали ему кличку Мак-Милан. Рота связистов имела отдельный двор со своей техникой и с другими причандалами. Так вот Мак-Милан специально завез на лесовозе чуть ли не вагон леса. Как только у солдат появлялась свободная минута, он заставлял их переносить брёвна с одного места на другое. Сегодня туда, завтра обратно. Да с таким командиром каши не сварить, а если сварить, то кто же такую будет есть.

Кстати, о каше. Скабрёзный случай произошёл у нас. В части держали подсобное хозяйство. Выращивали кур, телят,

а в основном свиней. Днём там постоянно крутились солдаты, сержанты и офицеры. Ухаживали за скотом. Даже был специальный резчик скота и обладал определёнными привилегиями: других дел не знал, хотя резал скотину далеко не каждый день. Солдатам нравилась армейская пища. Ха, ещё бы! Каждый день свежати́на. Мы так «уписывали» гречневую кашу со свининой, а особенно гороховое пюре. А вот на ужин всегда давали пшённую кашу и солёную красную рыбу. До того солёную, что глаза от неё лезли на лоб. Но это я так к слову.

С вечера в подсобном хозяйстве выставляли ночной пост. Как-то на рассвете начальник караула, выйдя по нужде из караулки, услышал крик свиньи. Да такой как – будто её резали. Он поторопился в подсобное хозяйство и увидел там такую картину: часовой рядовой Садыков притулил свой автомат в уголке свинарника, спустил штаны до колен и пытался зажать свинью в загоне, что ей не хотелось делать, и она подняла крик. Весть об этом разнеслась мгновенно, как только труба сыграла подъём. Садыков получил десять суток губы, после чего был отправлен на периферию. Почти все солдаты в этот день и на следующий не прикоснулись к пище. Потом жизнь пошла своим чередом и скабрёзный случай забылся. Тут не грех упомянуть и другой случай. В столовой шёл обед. За столами сидели сразу несколько рот. Вдруг один солдат встал с миской в руках и крикнул поварам на кухне через «амбразуру»:

–Чем вы кормите нас, повара! Вот таракан в макаронах.

Гул пошёл по столам, солдаты стали ложками ковыряться в макаронах, выражать неудовольствие. В столовой дежурил зам по тылу. Он подошёл к тому солдату и взял из его рук миску с макаронами, на дне которой увидел действительно таракана. Офицер не растерялся, пальцами схватил таракана и положил себе в рот.

–Братцы! Так ведь это пережаренный лук, – пережёвывая, произнёс офицер и вернул миску солдату. Тот сконфуженный сел на лавку, и инцидент был исчерпан. Сколько было разных случаев! Раз пошла такая пьянка, – режь последний огурец.

Однажды я влип в такую историю, что хоть стой, хоть падай. Дежурным по части был капитан Старцев. У меня выдался какой-то суматошный день, и в тихий час мне не пришлось «придавить клопа». А в двенадцать ночи заступать на пост дежурным по роте. Короче говоря, ночь напролёт надо торчать у тумбочки, что стояла у входа в роту. Буквально через час такого бдения, я чувствовал себя слабым и разбитым, что стоять не было ни каких сил. Я взял на время около крайней койки табуретку, приставил её к тумбочке, и радостный расположился на ней. Этого не положено было делать, но кто ж меня увидит. Дежурный по части? Я Старцева как-то не боялся. Вряд ли он будет серьёзно наказывать меня за такие мелочи. Так думал я, сидя на табуретке, откинув назад голову и опершись ею о стену. Позиция очень удобная, да и мыс-

ли, до чего же сладкие мысли посетили мою головушку в тот момент. Убаюканный ими, я тут же заснул. А когда я сплю, – тут хоть землетрясение, потоп или другие катаклизмы мне не помеха. Очнулся я от того, что кто-то усиленно тряс меня за плечи. Открываю глаза: передо мной Старцев.

–Так же всех солдат перережут, – приглушённым голосом говорил дежурный по части, пока я приходил в себя, – называется часовой. А где твой штык-нож! – офицер потряс пустые ножны, висевшие на моём ремне сбоку. Тут меня словно холодной водой окатили. Что может быть позорнее для любого воина, чем потеря оружия на посту. Вообще потеря оружия позор, а на посту тем паче. Я был в не себя. Как могло такое случиться! Вот только что усаживался на табурет, и вдруг в один миг меня разоружили. Пока я приходил в себя от шока, капитан Старцев не громко приказал мне:

–Я прикорну часок, другой, а ты разбуди меня к подъёму! Да смотри не засни, тоже мне защитник Родины, – он снял с себя портупею с кобурой, в которой покоился пистолет Макарова, свернул её и положил под подушку крайней койки, а сам лёг на эту койку.

Уже начало светать, а я никак ума не приложу, куда подевался мой штык-нож. Кто мог его выкрасть. Если пошутили, это одно, а вдруг сейчас бандит какой – ни будь с моим ножом по ночному городу шастает. И потом, скоро поднимутся солдаты, увидят, что нет штыка, они же засмеют меня. Позор то какой! В казарме стало светло, хоть вышивай,

а я убитый горем тихо ходил по рядам коек с надеждой увидеть своё оружие у какого ни будь солдата. Шутников много. Встал среди ночи, чтобы сходить по малой нужде, увидел, сплю, ну и воспользовался этим. Но нет, не тут-то было. Нигде не видать моего штыка. Уже подходил к последней койке, где спал офицер (пора было уже его будить). Смотрю, карман его брюк оттопырился, и мой штык-нож торчит из него наполовину эбонитовой рукоятки. Вот это удача! «Ну, – думаю про Старцева, – bestия какая. Спёр нож у меня». Я тихонько потянул штык за рукоятку, он легко, как по маслу, вылез из кармана. Вставляю штык в ножны и вижу, что офицерская портупея выбилась из-под подушки. Она упала бы на пол, но кобура застряла между металлических прутьев ограждения койки, застряла таким образом, что открыть замок кобуры не составляла большого труда. Я положил пистолет себе в карман, растормошил офицера и сам быстрее к тумбочке, чтобы меньше было подозрения. Очевидно, Старцев заснул события прошедшей ночи. Он вскочил, нахлобучил на себя фуражку, на ходу схватил свою портупею и вон наружу. Мне пришлось придержать входную дверь, чтобы не хлопнула, – так быстро выскочил дежурный по части. Прошло какое-то время, дверь чуть приоткрылась, и Старцев пальцем поманил меня в коридор. Когда я вышел, капитан был белее полотна. Он протянул руку, попросил пистолет и тихо сказал: –Ничья. Фифти – фифти.

Никто и никогда об этом не узнал, и вот только сей-

час я обнародовал этот курьёз. Вообще наша жизнь состоит из сплошных курьёзов. Если убрать немногочисленный ряд нормальных событий, то наша жизнь – сплошной курьёз.

Ждали министерскую проверку, готовились к ней как полагается. Наш старшина был в отпуске, и его заменял старшина из штаба некто Шишкин. Он был огромного роста, и носил не ботинки, а чемодана. До того был неуклюж, ну просто сохрани и помилуй. Но не любили мы его не за это. Он отменил наше пение во время вечерней прогулки, нажимал больше на строевую, которая нам днём надоедала как горькая редька. Между строевой муштрой он делал небольшие перерывы, в которых репетировал с нами приветствие генералу, который со дня на день должен приехать. Старшина кричал своим трубным голосом:

–Здравствуйте, товарищи солдаты!

А мы должны были отвечать:

–Здравия желаем товарищ генерал!

Чего добивался от нас старшина Шишкин мы так и не поняли. Приветствие звучало нормально, однако старшина заставлял и заставлял горланить заученную фразу. Нам это всё остоп...ло, и мы начали вставлять в приветствие разные штучки типа: «Знаем дорогу на кухню!» Половина солдат кричали слова приветствия, а половина – вот такие штучки-дрючки. До сих пор не знаю, кто отрепетировал следующее действие. Старшина, значит, кричит приветственные слова генерала, а мы набрали полные груди воздуха и долж-

ны были ответить, но все остальные по чьей-то команде промолчали, а я крикнул во всю мощь такую штучку-дрячку:

–Старшина, пошёл ты на х...!

Тишина воцарилась гробовая, как на луне. Тут старшина пришёл в себя и скомандывал:

–Кто это сказал два шага вперёд!

Вся рота, не сговариваясь, шлёп, шлёп сапогами и вышла вперёд.

Старшина так и не узнал правды. Я остался без наказания в отличие от случая «на гражданке». Нам студентам – баянистам было задание выучить «Марш молодёжи мира» А. Новикова и исполнить его на первомайской демонстрации, когда мы будем проходить площадь перед трибунами. Так как это дело подневольное, то не все ребята с желанием отнеслись к задаче. Нет, мы все хорошо выучили свои партии, великолепно отрепетировали марш, но посчитали, что только благодарить Партию и Правительство просто не за что, надо показать какой-то кукиш. Среди музыкантов-инструментальщиков бытует ругательство матом, но на инструменте, на языке музыкантов: «До-ре-ми-до-ре-до». В переводе на общепринятый язык обозначает «А пошёл ты на х..!». Нас пятеро (из двадцати) втихаря договорились в определённый момент сыпануть по клавишам матом, но, чтобы это не было так откровенно, договорились играть в разных тональностях, но октавами: один играл в ре-мажоре, я в до-диез мажоре и т.д. Приближаемся к трибуне, играем марш. Тут к мик-

рофону на трибуне подошёл начальник областного управления культуры, дождавшись, когда закончится марш, приветствовал работников искусство. В этот момент и прозвучал наш кукиш. Директор училища, шедший впереди, умудрился как-то вычислить нас, и после праздников на доске объявлений появился его приказ, лишаящий нас пятерых стипендии до конца учебного года. Хорошо, что не до конца учёбы. Вот был бы смех.

Ах, курьёзы, курьёзы! Не будь вас, жить было бы не интересно, хоть в петлю лезь. Я вот всё смехуёчками, да смехуёчками, а ведь была и настоящая служба, серьёзная, не дававшая никому поблажек. Вот о ней и поведу рассказ. Наши войска назывались войсками МООП (Министерство охраны общественного порядка). Конкретно, наша девятая рота была ротой сопровождения: ценный груз государственной важности; враги народа, предатели и шпионы; закоренелые рецидивисты и смертники. Контингент прямо скажем, палец в рот не клади. Глаз, да глаз нужен. Нужна смекалка, изворотливость. Как сейчас помню, мы везли среди прочих, в отдельной камере-купе гитлеровского пособника, приговорённого к смертной казне, к расстрелу. Он выглядел в камере как загнанный волк. В глазах огонь, желваки на скулах, словно жернова муку мололи. Сделай солдатик какую ошибку, оступись, пойдёт на тот свет не задумываясь. Он столько в концлагере послал, будучи доктором, не счесть. Одним больше, одним меньше, велика беда.

Шпионов мне не довелось сопровождать. В основном смертников. Какие же они жалкие люди. Помню, одного старика семидесяти лет. Всё плакал и рассказывал, как убил своего сына. Его чадо пило безбожно. Никакой на него управы не было. Напивался в лоскуты. Ну, ты пьёшь, и пей один, зачем же других сманывать. Одного мужика спойл, развалил его семью и сделал бомжем. Второго, третьего. Да ещё бравировал этим, загибал пальцы, ведя счёт своим злодеяниям. Отец не выдержал, кокнул его топором и делу конец. Он всё спрашивал, мол, правда ли что местечко, куда мы его везли, не пункт казни, а оттуда направляют в урановые рудники. Вот жизнь подлая что выделяет! Ради неё человек готов был идти на неизвестные муки, которые ждали бы его в рудниках. Лишь бы продлить своё существование.

— Да разве вы живёте! — кричала одна заключённая, держась за решётку камеры. Доведённая до умопомрачения обстоятельствами своей жизни, она словно речь толкала с трибуны. — Вот я жила, так жила! Два года, как у Христа за пазухой. Саудовский принц в Эмиратах так не жил, как я жила. Ничего, двадцать пять лет отсиджу, а потом опять грабану банк, упадём с любовником на дно. Черта с два нас сыщут. Опыт имеется.

Вот с такими, с позволения сказать, особами нам приходилось сталкиваться. Были встречи и похлеще. Случилось это задолго до моего появления в роте. Как-то одному сержанту — срочнику СА шлея под хвост попала. Пользуясь служеб-

ным положением, он взял станковый пулемёт и автомат Калашникова, несколько ящиков патронов к ним, положил всё в люльку боевого мотоцикла и погнал через Сальские степи на Украину, а там хотел (как потом выяснилось) податься на Запад. Тогда группы ВДВ еще не везде были, и нашу роту вызвали задерживать беглеца. На машинах без остановки мы гнались за ним километров шестьсот, если не больше. На границе с Украиной догнали. Беглец, видя погоню, остановился, с пулемётом и автоматом залёг под мотоциклом приготовился отстреливаться. Как хочешь суди – ряди, а это уже боевые действия. Солдаты окружили его и залегли. С ними ехал командир той части, из которой сбежал этот сержант. Полковник прихватил с собой мегафон, не думал проливать кровь, а хотел уговорить беглеца сложить оружие. Вышел из укрытия и встал во весь рост, стал призывать сержанта к благоразумию. Что – то блеснуло под мотоциклом. Наш старшина барсом кинулся на полковника, сшиб его на землю. Офицер остался жив и невредим, а старшине пулей раздробило колено. Хирурги госпиталя долго колдовали над раной старшины, но хромоту убрать не смогли. Пошли разговоры, комиссовать старшину. Приехал командующий военным округом генерал – лейтенант Прокошин, вручил ему медаль «За отвагу». Вручая, сказал:

–Пока я руковожу округом, старшину Звягенцева, пальцем тронуть никому не позволю.

А изъян старшины Звягинцева, как успел заметить чита-

тель, нисколько не мешал ему нести исправно свою службу. Уже в мою бытность произошла подобная картина, что и с беглым сержантом. Только здесь убежал из соседней части СА салага. Нас подняли среди ночи в ружьё. Капитан Старцев расписал всем взводам территории, где нужно было искать беглеца. Первому взводу пришлось шмонать вокзал, третьему пригородный лес прочесывать, нашему второму взводу достался городской парк культуры. Взводного Васина не было, он жил на окраине города на квартире и не мог знать про боевую тревогу. Наш взвод возглавил старшина Звягинцев. На машине подъехали к воротам парка с тыльной стороны и в калитке повстречали садовника. Дело было летом. Днём разбор воды в городе был большим и поливать цветы и кустарники приходилось ближе к утру. Старшина подозвал садовника и рассказал о цели нашего приезда.

– Да я из-за него главную клумбу не поливаю, – тихо, почти шёпотом произнёс садовник, – лежит на самой верхотуре, свернулся калачиком и в обнимку держит автомат. Я уже собрался звонить в комендатуру, и вы вот подкатили.

Мы тихо окружили высоченную клумбу. Старшина сказал, без его приказа носа не поднимать. А сам как кошка пополз по плостунски между цветов наверх. Я смотрел на Звягинцева и диву давался: сколько меня мурыжил Гавнюк на снегу полигона, я так ползти, как старшина не смог бы. Он дополз до вершины, аккуратно дотянулся до ложи автомата и выхватил его из-под солдата. Тот вскочил, не понимая в чём

дело, видно заспал, и растерялся. Автомат был не заряжен, а два рожка с боевыми патронами лежали в пилотке на земле, вместо подушки. Солдатик рассказал старшине, зачем бежал из части. Его милашка стала водить шашни с мужиком намного старше себя. Хотел свести с ними счёты.

– Эх ты, салага! – сказал старшина, улыбаясь, – запомни, чем старше мужик, тем крепче любовь. Тут автомат не помощник. Тебе надо было на танке поехать к ним и поговорить через смотровую щель.

Что-то я всё про танки, да про стрельбу. Пусть пушки помолчат, – дадим слово Музам. Перефразируя известного англичанина, скажу: «Война войной, а репетиции службе не помеха». Они шли своим чередом. Как-то Слуцкий сообщил, что к нам едет ансамбль песни и пляски нашего военного округа. То было событие, в корне изменившее мою армейскую планиду. В ансамбле было сорок певцов, десятка полтора танцоров, столько же музыкантов. Были специалисты разговорного жанра и даже гимнасты с интересными номерами. Мне очень понравилось выступление этого коллектива. Дирижёром и художественным руководителем был капитан Чистосердов. Мужчина, ну, просто красавец. Подтянутый, стройный. С голубыми весёлыми, я бы сказал, зажигабельными глазами. В нашей части и близко таких офицеров не было, разве что капитан Старцев. Я просто влюбился в Чистосердова. Глаз не мог оторвать от него, когда он дирижировал на сцене. Ансамбль должен был дать несколько кон-

церов в части и на периферии. На следующий день они уезжали на периферию. Сели все в машины, обтянутые брезентовыми тентами. Только капитан Чистосердов не сел в машину, а ходил по плацу, нервно потягивая сигарету. Он ждал сопровождающего офицера штаба. Я до сих пор не могу объяснить свой порыв. Мне так захотелось близко посмотреть ему в глаза. Я подбежал к офицеру, он остановился. Я взял под козырёк:

–Товарищ капитан! Разрешите обратиться.

Отбросив всякую фамильярность, капитан спросил меня:

–Какая проблема, солдат?

–Хочу выступать в вашем ансамбле, – выпалил я. Капитан слегка улыбнулся, его глаза заискрились, он спокойно сказал:

–Завтра после обеда в клубе у нас репетиция. Приходи, я тебя послушаю.

Он сел в кабину, хлопнув дверкою, в головную машину сел офицер штаба, и все машины тронулись гуськом к воротам у проходной. Он уехал, сказав, «завтра после обеда». Легко сказать, «завтра», а как дожидаться этого «завтра». Я не знал, куда себя деть. С одной стороны, я радовался, что меня завтра прослушают, и не важно какой будет результат (конечно же, я ждал положительного результата). А вот по отношению к Слуцкому, к Васину и к старшине Звягинцеву я чувствовал себя предателем. Наверное, я что-то для них значил, и они шли на уступки в отношении моего поведения

в части. Конечно, им нет резона оголять тылы художественной самодеятельности. Это Старцеву теперь было наплевать на всё, ибо он сдавал дела вернувшемуся с учёбы капитану Струкову. Мне жаль было Старцева, потому что никто не знал, где он будет служить дальше. А потом, появление Струкова меня настораживало. Что за человек? Как вести себя с ним? Уживусь ли с ним. Целые сутки я чувствовал себя ужасно, как в самолёте, когда тошнит и выпрыгнуть нельзя. Думал и надеялся, что после прослушивания всё прояснится. Дудки! Еще хуже стало, как генеральские погоны, – без единого просвета. И так прослушивание. Я зашёл в клуб. Капитану доложили о моём приходе. Чистосердов пригласил меня зайти на сцену, где он, сидя за роялем, сняв китель и скинув подтяжки брюк, музицировал и записывал что-то в нотный лист бумаги. Я бодро поднялся по ступенькам, приложил руку к козырьку и хотел, было отчеканить заготовленную фразу. Капитан отмахкой руки остановил меня, протянул мне руку и поздоровался.

–Что ты можешь делать? – спросил он.

–Петь, играть на баяне, на балалаечном контрабасе, – начал перечислять я.

–Стоп, стоп, стоп! – остановил меня офицер. – Такого контрабаса у меня в ансамбле нет. Баянисты не нужны. Ты видел, какие у меня орлы сидят с пяти рядными баянами, – спросил меня капитан. По мере того, как он перечислял отказы, мой радостно раскрытый рот, медленно смыкался, об-

разуя на лице растерянность. Капитан заметил это, подбодрил меня, – а вот песню... Спой, пожалуйста, свою любимую песню.

Настроение моё, подорванное отказами офицера, уже соответствовало духу моей любимой песни. Эти отказы как бы отдалили мою мечту, если не хоронили её совсем. Представьте себе вот такое состояние. У вас умирает самый дорогой вам человек-мама. Вы на грани отчаяния, ком в горле и слёзы на глазах. Вы находитесь как бы на грани умопомрачения. Вот в таком состоянии я начал петь. Никогда мне не приходилось «уходить» из реальной жизни в то состояние умопомрачения. Я видел глаза капитана, они перестали светиться, и он стал серьёзным. Когда я закончил, он сделал долгую паузу, коротко сказал:

–Хорошо! А что – ни будь повеселее, – попросил капитан. Я спел «Ой, мороз, мороз».

–Уже теплее, – улыбнулся капитан и крикнул солдатам, – позовите Серёгина.

–Я здесь, товарищ капитан, – раздался чей-то голос рядом.

–А ну-ка, попробуйте «Песню о тревожной молодости», – попросил капитан. – Серёгин запевай.

Мягкий баритон начал первую строчку известной песни, я подхватил вторую, и запел первым голосом. Серёгин то ли плохо знал, вторую партию, то ли давно не пел её, стал переходить на первый голос. Тогда я пел вторым голосом, а ко-

гда баритон вновь опускался на свои позиции, я брал верхние звуки. Капитану понравилось наше пение. Он привычным движением рук, вскинул на плечи подтяжки, одел и застегнул китель. Положив тёплую руку мне на плечо, сказал: —Я беру тебя в ансамбль. Жди вызова.

Прошедшие в муках сутки стали каплей в том море переживаний, которые выпали мне, пока я ждал вызов. Я никому ничего не говорил. Ещё вилами на воде писано, а я стану трезвонить на каждом углу. А вызов не приходил, и не приходил. Знать бы каким образом он должен придти, может, полегчало бы. Надежды таяли. Образ красавца-капитана Чистосердова постепенно размывался временем. Глаза его в моей памяти уже не искрились, да и осанка была уже не такой стройной. Я постепенно переставал любить хударука ансамбля.

Новый (для меня) командир роты капитан Струков настойчиво применял знания, приобретённые в академии. Он оказался порядочным и доброжелательным командиром. Мне жилось с ним хорошо. Во мне появилось больше ответственности. Я уже со стыдом оглядывался на те дни, когда я не знал Струкова, и боялся его. Тогдашнее моё состояние частично подтолкнуло меня провериться в ансамбль. Я трусил нового командира роты. Теперь это в прошлом, и у меня отпало всякое желание ехать в ансамбль. Я получил ряд поощрений от капитана Струкова за службу. Это стало моей гордостью. Моя фотография в Ленинской комнате на доске

почёта чего ждать ещё лучшего. От добра, добра не ищут. В мае, июне закончил девятый класс и вопреки моим ожиданиям, получил неплохие оценки и похвалу от директора школы. В конце июля Струков проводил с нашим взводом стрельбы из ТТ. Проверяющим был начальник штаба полковник Чесноков. Подошла стрелять моя очередь. Струков назвал мою фамилию и приказал заряжать пистолет. Я крепким шагом иду к столу, где лежали пистолеты. Деревянный пол трещит под моими сапогами, но я отчётливо слышу разговор полковника и капитана.

–Как ты назвал фамилию рядового? – спросил полковник.

–Рядовой Z, – ответил Струков.

–А почему он здесь? – строго спросил проверяющий. Не ожидая от капитана ответа, сообщил, – ещё в мае на него лично пришло распоряжение генерала Прокошина, откомандировать его в штаб дивизии.

–Но меня не было тогда, – смутился командир роты.

–Распорядитесь, чтобы в четыре часа дня он был готов к отъезду, – приказал полковник. Этот разговор, хотя и был приглушённым (почему-то на стрельбищах говорят тихо), но он проходил рядом со столом, где я заряжал пистолет. Руки у меня тряслись, я никак не мог засунуть три несчастных патрона в магазин пистолета. Ну, почему я такой невезучий. Я ведь уже расхотел ехать в ансамбль, и в тоже время ожили те воспоминания ожиданий вызова. У меня сердце колотилось, как яйцо в кипящем ковшике с водой при варке оного. Слы-

шу голос Струкова:

–Рядовой Z на огневой рубеж шагом марш!

Я стал нетвёрдо шлёпать сапогами по деревянному настилу. Ну, какой из меня стрелок сейчас. Тут не знаешь, что делать, плакать или смеяться. Подхожу к огневому рубежу, а в глазах всё плывёт, словно масляные круги в миске со щами. Мутно вижу свою мишень, пытаюсь целиться, а моё второе я шепчет мне изнутри: «Тебе нужна эта стрельба? Ты уже в ансамбле». Как из автомата пускаю все три выстрела. Пан или пропал. Офицеры склонились у моей мишени.

–Ну, ты молоток, – воскликнул проверяющий. – Три девятки. – Полковник отечески похлопал меня по плечу. Я, как ни старался увидеть дыры от своих пуль на бумажной мишени, в глазах всё плыло, и я ничего не видел. Скорее всего, я стрельнул в молоко. А полковник продолжал:

–Смотри не подводи нашу часть, и там, в управлении округа держи нашу марку.

Вот так всегда. Другой бы на моём месте плясал от радости, а я вновь «сидел на двух стульях», не зная к какому берегу податься. Почти умершая мечта, вновь ожила. У меня словно выросли крылья, но лететь я не мог. Нежелание покидать часть, к которой я уже привык, камнем тянуло меня вниз. Вот эта середина на половину сопровождает меня всю жизнь. Хорошо, что есть рядом люди, твёрдо знающие, как нужно поступать. Я имел ввиду командира части полковника Хрустова. Его приказ откомандировать меня в распоря-

жение ансамбля не имел двух смыслов. Если бы даже я теперь заартачился и по какой-то причине отказывался покидать часть, телегу развернуть в обратную сторону уже было невозможно. Всё так быстро закрутилось, подгоняемое приказом командира части. Мне положено было у старшины получить обходной лист, собрать ряд подписей, что я ни единой службе ничего не должен. Звягинцев подержал, подержал пустой бланк в руках и бросил его на стол, зная, что я не успею ничего сделать. Даже моё оружие придиричивый старшина не стал проверять, хорошо ли оно почищено. Он пожал мне руку и тихо сказал:

– Спасибо за службу.

Я побежал к Слуцкому. Тот уже всё знал. Он тоже пожал мне руку со словами:

– Что ж... тебе надо расти. Желаю удачи. Не забывай нас.

Офицер штаба, оформлявший мне прогонные документы, то же торопился и торопил меня:

– Хватит тебе суток добраться до Ростова? – спросил он. За соседним столом сержант-сверхсрочник поднял глаза на нас и сказал, мол, туда езды десять, от силы двенадцать часов. Но я почему-то почувствовал, что из этой ситуации для своей пользы могу выжать больше, нежели положено.

– Мне бы домой заехать, – скромно попросил я и малость приврал, – за баяном.

– У тебя же вот баян, – ответил офицер, пнув ногой футляр с инструментом, стоявшим подле меня.

– Мне нужно свой взять. Этот баян брата, – соврал я. – А мой в мастерской на ремонте.

Выцыганил я всё-таки ещё трое суток, чтобы повидаться с друзьями, а то, когда отпуск получишь, и получишь ли его вообще.

В Ростов я приехал, когда в Новочеркасске проходила заварушка. В трамвае, на остановках, буквально на каждом шагу говорили и говорили об этих событиях. Будто были людские жертвы, и много этих жертв. Но толком никто ничего не знал. Поговаривали, что парламентарии от рабочих Новочеркаска направились, якобы, в Ростов в воинские части искать поддержку среди солдат. Но их перехватили по пути и не дали даже приблизиться к областному центру. Эти разговоры и домыслы разрушали в моей душе образовавшееся было спокойствие. Масла в огонь добавила казарма, в которой квартировал ансамбль. Она оказалась пустой, зарождая мысль: «не в Новочеркасск ли махнули ансамблисты». Неприветливо выглядела казарма: пустые, без простыней и подушек койки в два яруса, тумбочки между ними, да сиротливые табуретки в торцах каждой кровати. И ни единой живой души. Как в пустыне, хоть кричи «ау». Я негромко аукнул. Приоткрылась дверка каптёрки, высунулась голова и попросила меня проследовать к ней. «И люди какие-то неприветливые, даже не вышли на встречу», – мелькнуло в моей голове, но тут же минутой спустя, я выкинул эту дурную мысль из головы. В каптёрке та самая голова оказалась

солдатом на костылях. В первую очередь костыли и бинты напомнили мне Новочеркасск. Будто этот солдат был участником тех событий, но рассказ солдата опроверг все мои домыслы. Оказывается, он танцор из ансамбля, подвернул ногу и теперь вот в гипсе ждёт своего выздоровления. Он узнал меня (помнил, как я проверялся у капитана), так что мне представляться не было необходимости. Сергей Блудов (так звали танцора на костылях) сказал, что ансамбль на гастролях и когда вернётся неизвестно. Известно было только то, что он вернётся обязательно.

–А что делать? – спросил я Сергея.

–Петь Лазаря, – засмеялся он. – Тебе хорошо. У тебя вон баян. Занимайся целыми днями. А я способен только кроссворды разгадывать.

Потом Сергей рассказал о том, что капитан ждал меня, сильно нервничал, даже матерился. Чистосердов не мог же пойти к генералу и грохнуть кулаком по столу: «Вынь, да положь рядового такого-то». Худрук ансамбля готовил новую программу, где много места отводилось мне. Так и уехал на гастроли со старым репертуаром.

С Блудовым мы подружились, и всё оставшееся время службы были на короткой ноге. Он большой выдумщик. Забегая вперёд, скажу, что на сцене мне часто приходилось быть то рядовым, то старшиной, то сержантом. Нужно было определённое время, чтобы поменять хотя бы погоны, – с ленточкой на лысые. Блудов посоветовал и помог мне сде-

лать ленточки отличия на резинке. Нажал кнопочку, ленточка отцеплялась и ныряла под погон, и я уже разжалован, рядовой, а не старшина. Если нужно было стать опять старшиной, натянул резинку, щелкнул кнопочкой, – и с повышением Вас, Ваша Светлость.

По совету Блудова я целые дни проводил в оркестровой студии и занимался на баяне. Стены студии не пропускали звук, я никому не мешал, и никто не знал о моих занятиях. Ожидая приезда ансамбля, я выучил «Славянский танец» А. Дворжака, «Вторую рапсодию» Ф. Листа и начал учить «Скерцо» М. Мусоргского. Очень сложная пьеса. Забегая на много вперёд скажу, вот что. Во всех гастролях и на базе ансамбля я любую свободную минуту отдавал этой пьесе. Однажды капитан Чистосердов, проходя мимо меня, сказал:

– Я хотел бы быть свидетелем того момента, когда ты выучишь наконец-то «скерцо». Вряд ли доживу до той поры.

«Скерцо» я всё-таки выучил и исполнил его на выпускных экзаменах музыкального училища. Я это рассказал в пикетем, кто считает, что у музыкантов дармовой хлеб. Годы порою уходят, нужно копытить и копытить, чтобы мизерной ступенькой подняться выше.

За два дня до приезда ансамбля дежурный по части капитан Смагин приказал нам с Блудовым идти на центральный вещевой склад, и получить простыни и подушки. Короче говоря, приготовить для прибывающих солдат спальные места. Блудов к тому времени снял уже гипс, и только слегка

прихрамывал. С задачей мы справились успешно. Коллектив прибыл среди ночи, быстро, прошуршав одеждой, солдаты улеглись спать. Неважно, когда ты прикоснулся лицом к подушке, – в два часа ночи или три, – утром в шесть подъём, физзарядка и завтрак. Никто тебя ждать к столу не станет: не у тётки в гостях.

Крепче всех и дольше всех почему-то спал я. Меня растормошили тогда, когда солдаты уже отзанимались физзарядкой. Я никак не мог продрать глаза, спустив ноги на пол и обняв руками подушку.

– На заре ты её не буди, – стал выводить своим тенорком тромбонист Мазурок. Все расхохотались. Его безобидные шутки теперь будут и меня сопровождать до конца службы. У него на каждый вздох анекдот находился. Сыпал он ими и сыпал. Если толпа солдат разразилась смехом, значит среди них Мазурок. Вообще-то его фамилия Мазуревич. Он из Беларуси. Кто-то ласково позвал его однажды: «Мазурок» и так кличка за ним закрепилась.

После завтрака тот же Мазурок прибежал из оркестровой студии и сказал мне:

– Капитан Чистосердов желает вас лицезреть, – немного помолчал и добавил, – хочет попробовать на зуб.

Я спустился в студию. Капитан сидел за столом. Горела настольная лампа и он что-то писал. Это был другой человек, нежели тот дирижёр-красавец, что выступал у нас в части. Изнурённый гастролями, уставший и измотанный он выгля-

дел очень блекло. Я знал, что такое гастролы. Наш хор в прицепном вагоне постоянно колесил по области. Ни тебе нормально помыться, среди ночи перекусить негде. Часто ложились спать голодными, а вскочив утром бежали на репетицию, забыв перекусить. В конце гастролей на кого мы были похожи? Помню баянист Семиколенов привёл такой пример:

– В начале гастролей я как молодой жеребчик причёсан, приглажен, да и в жилах кровь с молоком. А в конце, похож на сивого мерина.

Такое вот сравнение пришло мне в голову, когда я увидел капитана. Он, не вставая, протянул мне руку, устало поздоровался. Я думал, пойдут расспросы, почему так долго не ехал. Он выдвинул из стола ящичек с бумагами, достал папку и протянул мне.

– Здесь сценарий новой программы, – всё так же устало сказал он. – Но это не к спеху. Концерты долго не предвидятся. Посмотри свежим глазом, может, какая мысль забредёт в голову, добавишь, что, – помолчав с полминуты, продолжил, – У меня хормейстер демобилизовался. Придётся тебе временно его заменить, пока не найду нового, – капитан тут же спохватился и стал говорить чуть живее. – Но это не сегодня и не завтра. Солдатам надо отдохнуть денька три, четыре. После выходных приступишь.

С хоровым делом я был малость знаком. Всё-таки пять лет пел у Чулкова в хоре. Я знал много распевок, которые расширяли диапазон певца. Я знал ряд упражнений для по-

становки голоса, для закрепления дыхания. Упражнения для дикции, я был уверен, понравятся ребятам. Кроме того, как петь на атаке, что такое белый звук и звук округлённый. Всё это я знал теоретически. А как дело пойдёт на самом деле, — бабушка на двое сказала.

Капитан Чистосердов несколько дней не появлялся в части. Набирался сил, так я понимал. А мне нужно было за это время подготовиться к новому поприщу, которым никогда не занимался. У меня была хозяйственная тетрадь, расчерченная вдоль и поперёк. В ней я расписал на всю неделю ежедневный план занятий. Когда и сколько заниматься тем или иным упражнением. Короче говоря, как это делают учителя, составляя поурочные планы.

В понедельник с утра в клубе части штабной лейтенант Попихин читал нам, солдатам полит информацию. Он так медленно это делал, перечисляя происшедшие за неделю события в мире, словно в замедленной съёмке вдалбливал нам каждый факт. Мне не терпелось поскорее приступить к занятиям с коллективом. Интересно было посмотреть, что из этого выйдет. Я продумал всё до мелочей, даже внешние атрибуты старался копировать с занятий хормейстера Чулкова. Хор солдат занимался ранее в смотровом зале, сидя в креслах, в которых обычно смотрели кино. Это неудобно. Певцы сидели в линию, в результате чего края располагались чёт знает где. Попробуй, услышь крайних. Мы собрали по клубу все стулья, которые были на сцене, за сценой, в рекреации.

Даже из библиотеки взяли несколько стульев, расставили их в два ряда полукругом. В первый ряд я посадил теноров, во втором сели баритоны и басы. Это новшество и певцам, и особенно капитану Чистосердову пришлось по душе. Он зашёл в зал

В своей «тарелке».

Старость приходит так незаметно, и так неожиданно обламывает вам крылья, что вы из бойцовского красавца-петуха превратитесь в ощипанную ворону, не умеющую даже сварить себе похлёбку. Готовьтесь к старости, молодые люди, она не за горами.

Об ударнике и ботинке.

О Турянчике, о Цымбале. Турянчик исполняя «бочонок», набирал такую скорость вращения, что, теряя ориентир, не раз угождал в оркестровую яму. С синяками и с шишками поднимался на сцену и продолжал концерт.

На первом месте Бог, на втором человек, на третьем компьютер. Человеку до Бога, как от земли до неба. Компьютер же уже дышит человеку в затылок, скоро обойдёт его и заткнёт за пояс.

Новая метла, по-новому метёт.

В Ростов я приехал, когда в Новочеркасске проходила заварушка. В трамвае, на остановках, буквально на каждом шагу говорили и говорили об этих событиях. Будто бы были людские жертвы, и много этих жертв. Но толком никто ничего не знал. Поговаривали, что парламентарии от рабочих Новочеркаска направились, якобы, в Ростов в воинские части искать поддержку среди солдат. Но их перехватили по пути и не дали даже приблизиться к областному центру. Эти разговоры и домыслы разрушали в моей душе образовавшееся было спокойствие. Масла в огонь добавила казарма, в которой квартировал ансамбль. Она оказалась пустой, зарождая мысль: «не в Новочеркасск ли махнули ансамблисты». Неприветливо выглядела казарма: пустые, без простыней и подушек койки в два яруса, тумбочки между ними, да сиротливые табуретки в торцах каждой кровати. И ни единой живой души. Как в пустыне, хоть кричи «ау». Я негромко аукнул. Приоткрылась дверка каптёрки, высунулась голова и попросила меня проследовать к ней. «И люди какие-то неприветливые, даже не вышли на встречу», – мелькнуло в моей голове, но тут же минуту спустя, я выкинул эту дурную мысль из головы. В каптёрке та самая голова оказалась солдатом на костылях. В первую очередь костыли и бинты напомнили мне Новочеркасск. Будто этот солдат был участ-

ником тех событий, но рассказ солдата опроверг все мои домыслы. Оказывается, он танцор из ансамбля, подвернул ногу и теперь вот в гипсе ждёт своего выздоровления. Он узнал меня (помнил, как я проверялся у капитана), так что мне представляться не было необходимости. Сергей Блудов (так звали танцора на костылях) сказал, что ансамбль на гастролях и когда вернётся неизвестно. Известно было только то, что он вернётся обязательно.

–А что делать? – спросил я Сергея.

–Петь Лазаря, – засмеялся он. – Тебе хорошо. У тебя вон баян. Занимайся целыми днями. А я способен только кроссворды разгадывать.

Потом Сергей рассказал о том, что капитан ждал меня, сильно нервничал, даже матерился.

– Чистосердов не мог же пойти к генералу и грохнуть кулаком по столу: «Вынь, да положи рядового такого-то», – подытожил Сергей, – Худрук ансамбля готовил новую программу, где много места отводилось тебе. Так и уехал на гастроли со старым репертуаром.

С Блудовым мы подружились, и всё оставшееся время службы были на короткой ноге. Он большой выдумщик. Забегая вперёд, скажу, что на сцене мне часто приходилось быть то рядовым, то старшиной. Нужно было в идущем концерте выкроить время, чтобы за кулисами поменять погоны с ленточкой на лысые. Блудов посоветовал и помог мне сделать старшинские ленточки на резинке. Нажал кнопочку,

ленточка отцеплялась и ныряла под погон, и я уже разжалован, рядовой, а не старшина. Если нужно было стать опять старшиной, натянул резинку, щелкнул кнопочкой, – и с повышением Вас, Ваша Светлость.

По совету Блудова я целые дни проводил в оркестровой студии и занимался на баяне. Стены студии не пропускали звук, я никому не мешал, и никто не знал о моих занятиях. Ожидая приезда ансамбля, я выучил «Славянский танец» А. Дворжака, «Вторую рапсодию» Ф. Листа и начал учить «Скерцо» М.Мусоргского. Очень сложная пьеса. Забегая вперёд, скажу, что на гастролях и на базе ансамбля любую свободную минуту отдавал этой пьесе. Однажды капитан Чистосердов, проходя мимо меня, съязвил:

– Когда ты выучишь наконец-то «скерцо»?! Хотел бы стать свидетелем этого момента. Вряд ли доживу до той поры.

«Скерцо» я всё-таки выучил и исполнил его на выпускных экзаменах музыкального училища. Я это рассказал в пику тем, кто считает, что музыканты едят дармовой хлеб. Годы порою уходят, нужно копытить и копытить, чтобы мизерной ступенькой подняться выше. Кроме того, нужно быть очень упёртым, чтобы постоянно изо дня в день мусолить трудные места той или иной пьесы. Великий музыкант Рихтер занимался ежедневно по десять, двенадцать часов, а мне, простому смертному «гармонисту» сам бог велел трудиться, не покладая рук. Я ведь, как говаривал Чапаев, «академиев» (му-

зыкальной школы) не кончал. Самоучка. Этим всё сказано. Добавлю сюда лишь то, что в музыкальное училище я поступал, работая на металлургическом комбинате грузчиком. Можно представить какими заскорузлыми были мои пальцы. Ведь ходовым инструментом в моих руках тогда были лом, да лопата. От них зависела моя зарплата. А я любил и по моде одеться, и поесть вкусно. (Голод сорок седьмого года не прошёл бесследно). Пристрастие к вкусной пище привилось ко мне в детстве. Мы, десятилетние пацаны, собирали металлолом и сдавали в магазин за копейки. Сусликов выливали водой, выгоняя из нор, затем выделывали их шкурки и сдавали опять-таки за копейки. Когда этих копеек собиралось нужное количество, я шёл, как говорится, за семь вёрст щи хлебать, – в столовой районного центра с таким удовольствием ел котлету с картофельным пюре и подливой. Вот такие вот заскоки бывали в моей жизни.

За два дня до приезда ансамбля дежурный по части капитан Смагин приказал нам с Блудовым получить на центральном вещевом складе простыни и подушки для всего коллектива ансамбля. Короче говоря, приготовить для прибывающих солдат спальные места. Блудов к тому времени снял уже гипс, и только слегка прихрамывал. С задачей мы справились успешно. Коллектив прибыл среди ночи, быстро, прошуршав одежками, солдаты улеглись спать. Неважно, когда ты прикоснулся головой к подушке, – в два часа ночи или три, – утром в шесть подъём, физзарядка и завтрак. Никто

тебя ждать к столу не станет: не у тётки в гостях.

Крепче всех и дольше всех почему-то спал я. Меня растормошили тогда, когда солдаты уже отзанимались физзарядкой. Я никак не мог продрать глаза, спустив ноги на пол и обняв руками подушку.

– На заре ты её не буди, – стал выводить своим тенорком тромбонист Мазурок. Все расхохотались. Его безобидные шутки теперь будут и меня сопровождать до конца службы. У него на каждый вздох анекдот находился. Сыпал он ими и сыпал. Если толпа солдат разразилась смехом, значит среди них Мазурок. Вообще-то его фамилия Мазуревич. Он из Беларуси. Кто-то ласково позвал его однажды: «Мазурок» и так кличка за ним закрепилась.

После завтрака тот же Мазурок прибежал из оркестровой студии и сказал мне:

– Капитан Чистосердов желает вас лицезреть, – немного помолчал и добавил, – хочет попробовать на зуб.

Я спустился в студию. Капитан сидел за столом. Горела настольная лампа и он что-то писал. Это был другой человек, нежели тот дирижёр-красавец, что выступал у нас в части. Изнурённый гастрольями, уставший и измотанный, он выглядел очень блекло. Я знал, что такое гастроль. Наш хор в прицепном вагоне постоянно колесил по области. Ни тебе нормально помыться, среди ночи перекусить негде. Часто ложились спать голодными, а вскочив утром бежали на репетицию, забыв перекусить. В конце гастролей по области мы са-

ми на себя не были похожи? Помню, баянист Семиколенов привёл такой пример:

–В начале гастролей я как молодой жеребчик: причёсан, приглажен, да и в жилах кровь с молоком. А в конце, похожу на сивого мерина.

Такое вот сравнение пришло мне в голову, когда я увидел капитана. Он, не вставая, протянул мне руку, устало поздоровался. Я думал, пойдут расспросы, почему так долго не ехал. Он выдвинул из стола ящичек с бумагами, достал папку и протянул мне.

–Здесь сценарий новой программы, – всё так же устало сказал он. – Но это не к спеху. Концерты в ближайшем будущем не предвидятся. Посмотри свежим глазом, может, какая мысль забредёт в голову, добавишь, что, – помолчав с полминуты, продолжил, – У меня хормейстер демобилизовался. Придётся тебе временно его заменить, пока не найду нового, – капитан тут же спохватился и стал говорить чуть живее. – Но это не сегодня и не завтра. Солдатам надо отдохнуть денька три, четыре. После выходных приступишь.

С хоровым делом я был малость знаком. Всё-таки пять лет пел у Чулкова в хоре. Я знал много распевок, которые расширяли диапазон певца. Знал ряд упражнений для постановки голоса, для закрепления дыхания. Упражнения для дикции, я был уверен, понравятся ребятам. Кроме того, как петь на атаке, что такое белый звук и звук округлённый. Всё это я знал теоретически. А как дело пойдёт на самом деле, – ба-

бушка надвое сказала.

Капитан Чистосердов несколько дней не появлялся в части. Набирался сил, так я понимал. А мне нужно было за это время подготовиться к новому поприщу, которым никогда не занимался. У меня была хозяйственная тетрадь, расчерченная вдоль и поперёк. В ней я расписал на всю неделю ежедневный план занятий. Когда и сколько заниматься тем или иным упражнением. Короче говоря, как это делают учителя, составляя поурочные планы.

В понедельник с утра в клубе части штабной лейтенант Попихин читал нам, солдатам полит информацию. Он так медленно это делал, перечисляя происшедшие за неделю события в мире, словно в замедленной съёмке вдалбливал нам каждый факт. Мне не терпелось поскорее приступить к занятиям с коллективом. Интересно было посмотреть, что из этого выйдет. Я продумал всё до мелочей, даже внешние атрибуты старался копировать с занятий хормейстера Чулкова. Хор солдат занимался ранее в смотровом зале, сидя в креслах, в которых обычно смотрели кино. Это неудобно. Певцы сидели в линию, в результате чего края располагались чётко знает где. Попробуй, услышь крайних. Мы собрали по клубу все стулья, которые были на сцене, за сценой, в рекреации. Даже из библиотеки взяли несколько стульев, расставили их в два ряда полукругом. В первый ряд я посадил теноров, во втором сели баритоны и басы. Это новшество и певцам, и особенно капитану Чистосердову пришлось по душе.

Он зашёл в зал незаметно и сел в кресло за колонной. Мы как раз, занимались дикцией. В начале были простые упражнения типа: «На горе Арарат растёт виноград» или «От топота копыт пыль по полю летит». Нужно было каждое предложение говорить скороговоркой несколько раз подряд. Потом пришла очередь сложных упражнений, которые не легко было выговаривать даже медленно. Ну, например, «На дворе трава, на траве дрова». Некоторые ребята спотыкались, чуть ли не на каждом слого. Это вызывало среди них бурную реакцию и откровенный хохот. Они смеялись друг над другом как дети, прижав руки к животам. А самое сложное упражнение превратило наше занятие в настоящий балаган. Попробуйте и вы быстро сказать предложение: «Рапортовал, рапортовал, не до рапортовал и зарпортовался». Язык заплетается, как у пьяной ноги. Как тут удержишься от смеха. Я тщетно пытался утихомирить ребят. За деревянной перегородкой располагался штаб воинской части, к которой мы были прикомандированы, хотя подчинялись непосредственно командованию дивизии. Это не всем офицерам нравилось, и они не упускали случая упрекнуть нас в недисциплинированности. Как раз этот случай и назревал от нашего хохота. Тут из-за колонны вышел капитан Чистосердов. Все в раз смолкли, стали дружно подниматься с мест, приветствуя тем самым командира. Повернулся и я лицом к капитану. Он жестом рук усадил всех на место, а когда шум от двигающихся стульев стих, Чистосердов легко без напряжения и, главное, без ошибки

в довольно быстром темпе проговорил несколько раз наше упражнение. Ребята опешили, уже не было повода смеяться. Некоторые ребята даже аплодировали капитану. Все кинулись серьёзным образом повторять трудное упражнение. Капитан улыбался и подсказывал, как надо держать губы при этом. Я подразумеваю, что наш худрук, учась в Вузе на военного дирижёра, проходил и хорошо помнил эту науку. У всех трубачей удивительно хорошая дикция.

Вот что значит пример командира! И не важно, – бросился ли он закрывать собою ДОТ, съел ли таракана, лежавшего в миске солдата, чётко выговорил скороговорку. Сущность человеческая такова, что мы, перенимая жизненный опыт от других, передаём его по наследству будущему поколению. Это естественный рост цивилизации. И если у нас сейчас общество – дерьмо, то это дерьмо передано нами. Винить тут кого-то потустороннего глупо. Пусть коммунисты бьют себя в грудь кулаками, доказывая, что при них такого не было. Оно рождалось при них, но не рекламировалось. Тогда была одна реклама: «Слава КПСС!» Меня так и подмывает спросить Новохатскую: «Неужели памперсы и прокладки современного экрана милее самолюбования партии?» Впрочем, хрен редьки не слаще. Но это так сказать, лирическое отступление.

Вот и лето прошло. В последние дни августа в клубе командование дивизиона проводило семинар комсомольских работников воинских частей. Ансамбль получил два дня вы-

ходных. Мы занимались хозяйскими делами. Когда я спу-
скался по лестнице в вещевой склад к старшине Семенихину,
носом к носу столкнулся с капитаном Старцевым. Он опе-
шил, не ожидал этой встречи. Я вообще остолбенел, и у меня
челюсть отвисла. Какое – то время был в замешательстве, а
он уже пришёл в себя от неожиданной встречи, и, как всегда,
балагурил:

–Закрой рот, кишки простудишь.

Поговорили, но не как офицер с рядовым, а как хоро-
шие знакомые. Бывший мой командир роты теперь занимал
должность освобождённого секретаря комсомола части. Вот
эта должность как нельзя лучше подходила ему по характе-
ру. Я признался капитану, что на радостях и из-за сменив-
шихся обстоятельств совершенно забыл о школе, а ведь сен-
тябрь на носу. Нужно было у кого-то узнать, существует ли
здесь такая же школа, как в той части. Затем, кто-то должен
прислать мне справку с оценками, с которыми я закончил
девятый класс.

–Не переживай, – обнадёжил меня Старцев, – я дам ко-
манду, Кудрявый тебе её вышлет. Главное, чтобы было её
куда приткнуть, – подмигнул мне на прощание комсорг. И,
действительно, не прошло и недели, как почтой я получил
справку.

Встреча с бывшим командиром роты не столько обрадо-
вала меня, сколько озаботила. Нужно было заниматься во-
просами школы, а в первую очередь, найти времени для это-

го. Как это я забыл про школу, ума не приложу. В той части были одни порядки, а здесь совершенно другие, – это же не у маменьки под крылышком. Надо было суетиться. Положение дел о школе мне выложил как на ладошке писарь Ротов из штаба.

–Школа есть при Доме Офицеров. Там учатся только сверхсрочники и офицеры, – пояснил он, – а тебя, салагу, в такую компанию вряд ли возьмут. И потом, прежде чем говорить «б», надо сказать «а»: нужно заручиться поддержкой капитана Чистосердова, который в свою очередь испросит разрешения у замполита части, подполковника Чибиса.

Получив письмо от Кудрявого, я тут же обсудил дело с Чистосердовым. Он посоветовал сначала поговорить с директором школы, а потом уже соваться за разрешением к начальству. Я выпросил у Чистосердова увольнение и ну другой день поехал в Дом Офицеров. Нужно было пройти с километр до трамвая, и на нём довольно долго телепаться в центр города. Последний вагон трамвая был пуст, только три школьницы с портфелями стояли на площадке. На мою просьбу, сказать на какой остановке находится Дом Офицеров, они сначала дружно прыснули смехом, а потом уж назвали остановку. Мне показалось, что они смеялись надо мной. Мне стало как-то неловко. Отвернувшись от них, я присел на крайнюю скамейку. Школьницы ещё сильнее стали хохотать. Одна из них та, что настырнее, травила анекдоты.

«Девочки, – спрашивают у школьниц. – Вы едите в Дом Пионеров на ёлочку?»

–Нет, – отвечают те, – в Дом Офицеров на палочку».

«Вот тебе и хрен, – не болит, а красный», – подумалось мне. Говорят, теперешняя молодёжь, оторви и выбрось. Видит Бог, она во все времена была одинакова. Хочется скорее стать взрослым, – отсюда и безрассудство, глупые проступки.

Мне по-прежнему было неловко. Кажется, я покраснел от чужой глупости. Ведь, не задай свой вопрос, возможно теперь и не было бы такнеуютно на вытертой до блеска скамейке. А может быть, я уже отвык от «гражданки». Рамки армейской дисциплины оквадратили, окантовали меня. Стал строже судить свои и людские поступки. Не зря же армию считают кузницей, горнилом выработки человеческого духа, характера. Год назад вряд ли бы я покраснел. Скорее всего, посмеялся бы вместе с девчонками и пропустил их глупость мимо ушей. Теперь хотелось выглядеть щепетильной гувернанткой, и приструнить распоясавшихся «недорослей». Возможно, я так бы и сделал, но боязнь выглядеть старшиной Шишкиным, грубым и неотёсанным солдафоном, сдержало от нравочений.

Меня словно из плена отпустили, когда девчонки, наконец-то, собрались выходить на ближайшей остановке.

–Солдатик! – крикнула мне настырная, танцующая одной ногой на последней ступеньке, – через две остановки твоя, не

проспи-и, – она приложила ладошку к губам и послала мне воздушный поцелуй. Троица вновь залилась безудержным смехом. Трамвай загромыхал, стараясь заглушить возможную их очередную глупость.

Средняя школа располагалась на втором этаже в левом крыле здания Дома Офицеров. В коридоре было просторно, светло и чисто. Огромные, но прозрачные и лёгкие занавески спадали почти, что с самого потолка, чуть прикрывая собой широкие окна. Отрадно было на душе от такой свободы. Мне почему-то казалось в тот момент, что здесь легко будет учиться. Не ощущалось преград ни знаниям, ни свету, ни воздуху. Задрапированные окна клуба и, особенно, оркестровой студии части казались мне из другого мира.

Все двери были закрыты, кроме одной. Они были высокими, как будто в них входили трёхметровые люди. Тихо крадучись, чтобы не мешать занятиям, я заглянул в комнату с открытой дверью. В углу у широкого окна за большим столом, крытым зелёным сукном сидел маленький сказочный старикашка: волосёнки седые вздыблены, взгляд устремлённый. В руках он держал с наклоном лист бумаги. Руки его сильно дрожали, можно сказать тряслись, но создавалось впечатление, будто он старался аккуратно с листа пересыпать в волшебную шкатулку бисер, жемчуг и другие драгоценности. И как всегда, я оказался в дурацком положении: словно остолоп застыл на месте, но, а как нарушить эту сказочную идиллию?! Старичок услышал моё частое дыхание, по-

вернулся ко мне и спросил:

–Что Вам, солдатик?

Я рассказал о цели своего прихода. Старичок оказался директором школы. Сам он преподавал историю.

–По поводу того, что тут учатся сверхсрочники и офицеры, а ты рядовой срочной службы, – проблем никаких не будет, – уверил меня Пётр Семёнович, – за партией все равны: и генерал, и рядовой. У нас почти вся футбольная команда СКА учится. Они военную форму в глаза не видели. Сидят наравне с офицерами. – Подытоживая разговор, директор сказал:

– Справочку об окончании девятого класса надо сдать нам. А ты будь любезен напиши заявление о переводе в школу и принеси три фотографии. Да, – спохватился Пётр Семёнович, – реши вопрос о посещаемости школы. Мы за этим следим очень строго.

Трудно было поверить божьему одуванчику, что он строг. «Да он муху не обидит» – подумалось мне, когда я радостный и довольный покидал Дом Офицеров. Бывают в жизни минуты, когда ты передвигаешься по земле не ногами, а словно крылья у тебя за плечами. Вот в таком приподнятом настроении я возвращался в часть, рассекая собой встречный ветер и чуть ли, не горланя «непобедимую и легендарную». Сзади услышал чей-то голос. Оглядываюсь: писарь Ротов чуть ли не бегом бежит мне вдогонку. В руках у него увесистая почтовая сумка. В обязанность писаря входила доставка кор-

респонденции из города в часть. Смешно сказать, «обязанность», да это награда всевышнего: каждый день свободно передвигаться по городу, среди гражданских лиц. Перед глазами проходит жизнь, о которой иные солдаты забыли уже и думать, – света божьего не видят, занятые ежедневной службой. «Баловень судьбы» так называли Ротова в части. Симпатичный высокий парень с северным акцентом с первого дня службы особенно не напрягался. Он держал себя как с солдатами, так и с офицерами одинаково независимо, ни с кем особенно не сближаясь. Но и не был заносчивым, знал себе меру.

– Ты как заводной, – тяжело дыша, проговорил Ротов, – замучался догонять. – Он ловко кинул сумку на правое плечо, спросил меня, – откуда путь держишь?

Я сказал ему.

– При мне сегодня Чистосердов заходил к Чибису. Тот разрешил посещать школу, а мне приказал оформить тебе ксиво. Вот такое, как у меня, – он достал из бокового кармана гимнастёрки запечатанный в прозрачный пластик бланк, где указаны дни и часы увольнения: ежедневно с восьми утра и до десяти вечера, – у тебя будет свободный выход по понедельникам, средам и пятницам с обеда до десяти вечера. Ещё одним «сачком» стало больше, – засмеялся Ротов. До конца службы эта кличка ко мне прилипла: иначе Ротов меня и не называл. И дураку понятно, что его душила «жаба», потому как я был «сачком» с большими привилегиями, чем

у него: меня ждали поездки с ансамблем в части, расположенные рядом с Черным, Азовским и Каспийским морями. Но это будет несколько позже.

Как потом я убедился, моя учёба не шла в разрез с занятиями ансамбля. С хором готовили программу с утра и до обеда, а после тихого часа рекреацию клуба занимали танцоры. «Херовики», как шутя называли себя певцы, после обеда занимались хозяйственными делами, в крайнем случае, проводили в ленинской комнате политзанятия. Но это скорее всего для отвода глаз, ибо завистливые люди во все времена водились, и могли трепануть языком в ненужном месте, что ансамблисты сачкуют. А так замусоленная газета с докладом Хрущёва сиротливо валялась и пылилась на столе. С некоторых пор красным уголком (ленинской комнатой) пользовались солдаты строительной роты, жившие за деревянной перегородкой. Строители также как и мы относились к политзанятиям спустя рукава. Понятное дело, целый день вкалывай на ветру, в дождь и слякоть, а тут еще в свободное время слушай одну и ту же дребедень. У них командиром роты был смешной дядька, капитан Озолин. Как-то он дежурил по части. Зашёл в столовую пробу снимать. А тут мимо, чуть не сбив его с ног, непочтительно прошмыгнул солдатик. Озолин остановил его и приказал привести себя в порядок. Солдат чего-то заартачился, мол, некогда. Озолин строго урезонил его, вызвав хохот по всей столовой:

—Ты посмотри, кто перед тобой стоит. Я же не чучело, я

советский офицер.

А однажды в красном уголке произошло подобное. Мы совместно со строителями, коротая время, ждали ужина, и вроде бы как занимались политзанятиями. Капитан Озолин сидел за столом, составлял наряды, или готовил какие-то отчёты. Один солдат громко матернулся. Озолин, сильно грохнув кулаком по столу, сказал:

– Если ещё хоть раз услышу мат, как въебеню десять суток.

Оставляю это без комментариев.

Сколько таких чудаков было! Помню один старикашка посещал часть. Он утверждал, что на картине, где Ленин нёс бревно, вторым несущим был не кто иной, а он, старикашка. (Потом выяснялось, что по стране таких несущих уже перевалило за сотню). Ему приятно было общаться с молодёжью, а тем более в конце каждой встречи его кормили в солдатской столовой. И с таким аппетитом уплетал солдатскую пищу, что казалось, он явился с голодного края. Наверное, не случайно в конце каждой беседы он говорил солдатам:

– Старость приходит так незаметно, и так неожиданно обламывает вам крылья, что из бойцовского красавца-петуха вы превратитесь в оципанную ворону, не умеющую да же сварить себе похлёбку. Готовьтесь к старости, молодые люди, она не за горами.

В другой части, поговаривают, объявлялся и такой старикашка: он утверждал, что был последним, кто видел Чапаева

живым. Его просили рассказать, как это было.

–Ну, как было. Я залёг с пулемётом на крутом берегу Урала. Смотрю, на середине реки плывёт человек. Я дал очередь из пулемёта, и человека не стало. Потом мне сказали, то был Чапаев.

Этот случай, скорее всего, из тех анекдотов, которыми сыпал Мазурок. Кстати, как я только вошёл в казарму, он гоголем стал ходить вокруг меня:

–А я знаю кое-какие новости, – заискивающе смотрел мне в глаза Мазурок, хитро улыбаясь. Он дождался, когда мы остались наедине, и сообщил:

–Капитан Чистосердов говорил по телефону с генералом Прокошиним. Они хотят выбить в министерстве штатную единицу хормейстера и начальника ансамбля в одном лице. Тогда капитан Чистосердов останется только хударюком. Тебя он прочит начальником и хормейстером.

Новость, прямо скажем, особо меня не зацепила. Возможно, в другое время я бы её воспринял с радостью, но сейчас моя голова была забита другими проблемами. И первая из них, – учёба в школе. Вот спросите меня, на кой чёрт она мне сдалась. Я твёрдо решил после армии окончить музыкальное училище, после чего всю жизнь работать преподавателем музыкальной школы, что и сделал.

Теперь вот уже пенсионер (отставной козы барабанщик), скажу вам звёзд с неба не хватал... а, впрочем, я тут малость привираю. Одну звезду я у судьбы всё-таки выцарапал, – зо-

лотую звезду лауреата. Лет тридцать пять пылится в шкафу. Но это к делу не относится.

Так вот вернёмся к учёбе. Тогда она мне нужна была, как зайцу стоп-сигнал. В этом вопросе мною руководил явно кто-то другой. «Кто-то другой» напомнил, что в девятом классе у меня были «не лады» с изложением. А что такое изложение, – простой пересказ содержания рассказа, повести, поэмы. В десятом классе будет сочинение, а тут совсем другой коленкор. Тут нужен анализ событий, мотивировка, оценка, наконец, попытки художественного творчества. У меня обо всём этом ноль знаний. Надо было у кого-то учиться.

С этим вопросом я пришёл в редакцию дивизионной многотиражки «На боевом посту». Подобной встречи я не ожидал. В узком коридорчике было две двери, и обе закрыты. Я дернул за ручку ту, на которой было написано: «КОРРЕСПОНДЕНТЫ». Она оказалась на замке. Соседнюю дверь украшала вывеска: «РЕДАКТОР». Я, на всякий случай, дернул и её за ручку, она также была на замке. Уже развернулся уходить, в редакторской двери щёлкнул замок, и в узенькую щёлочку я увидел невысокого лысого человека в майке и трусах. Я опешил, думал, что попал в жилой дом, но дверные вывески говорили об обратном. В ту узкую щёлочку рассказал о цели своего визита. Приоткрытая дверь несколько секунд раздумывала, открыться ей или, наоборот, закрыться. Она всё-таки открылась, и увлекла меня за собой в кабинет

редактора.

–Извините за «неглеже», – поторопился оправдаться мужчина, – жара несусветная, работать просто невозможно. Мокрый, как мышь, – добавил он, садясь в кресло за столом. Только тут я заметил потные пятна на его майке. Рубашка, висевшая поверх кителя на спинке стула, была в тех же пятнах. Узенькие окошки, схваченные металлическими решётками, мало пропускали воздуха, хотя и были настезь распахнуты. Вытяжка в кабинете отсутствовала, а вентилятор напрасно трудился на столе, гремя лопастями. Пробыв всего минуту, я понял, что это душегубка. (Таков Ростов со своей изнывающей жарой). Не смотря на слишком «жаркий приём», мой визит можно назвать успешным. Майор Гречихин, узнав, что я из ансамбля, посоветовал мне при поездке в другие части с концертами собирать всякую информацию о жизни солдат и офицеров. На прощание он дал мне несколько экземпляров газет, свернув их в единую трубку:

–Прочитай их и обрати внимание, как подаётся материал. Не бойся на первых порах скопировать какую – ни будь статью. Потом найдёшь себя, свой стиль. И помни: любой материал должен быть пропитан запахом солдатской портянки. (У Василия Макаровича Шукшина немного иначе: «Макай перо в правду...»)

Тут вот выходила маленькая неувязка: мне нужно было научиться писать сочинение; майор Гречихин порекомендовал мне писать заметки в газету; с концертами мы поедем

неизвестно, когда, а умение писать сочинения понадобится уже сейчас, несколько дней спустя. Тогда я не придал этой неувязке никакого значения. Понятно, что майор Гречихин «убивал двух зайцев сразу». Газеты и тогда, и теперь испытывают постоянный голод на маленькие информашки, чтобы затыкать дыры при вёрстке полос. Находясь на гастролях, переезжая из части в часть, я снабжал бы редакцию по заказу нужному материалу, а заодно учился бы писать. Последнее, а именно «учится писать» сидело во мне глубоко, а, главное, очень и очень крепко. Десятилетним пацаном я написал роман из трёх слов. Да, да. Не удивляйтесь и не смейтесь. Событие, принудившее меня к этому действию, было аховое. Представьте себе первобытного человека, увидевшего самолёт. Точно так же и я был ошарашен, когда увидел впервые «лампочку Ильича». Она загорелась у нас в колхозе на крытом току. Уборочная страда мимолётна. Колхозникам приходится работать на ток днём и ночью. А что по темноте сделаешь? Тогда председатель колхоза и прикупил дизельную электростанцию. Помню, среди ночи с каким нетерпением вместе со взрослыми ждали этого момента и мы, малышня. Чудо свершилось! Утром следующего дня я достал тетрадь «в косую» и написал большими буквами на обложке «СВЕТ НАД ЗЕМЛЁЙ». И всё! Дальше я не знал, что делать. И коню понятно, – надо учиться. Это засело в меня на подсознательном уровне и никогда не выпячивалось явно, а как-то всё намёками и намёками.

Наверное, поэтому, когда редактор многотиражки протянул мне трубочку из газет, я уцепился за них, как утопающий за соломинку. И опять, уже в который раз я спрашиваю себя: «На кой лад мне это нужно?» Вот эти строки, что пишу сейчас, кому они нужны? Я бы не писал, с удовольствием занялся бы чем-нибудь другим. Но всякий раз какая-то невидимая сила заставляет меня садиться за ноутбук. Уже двадцать лет пишу «в стол». Никто не издаёт мои книги. Вернее сказать, никто в издательствах не читает моих рукописей. (Кого не поспрашиваю, пытаюсь найти хотя бы след своей рукописи, пожимают плечами, отсылают к другим сотрудникам). Но я верю, всё-таки праздник будет и на моей улице. (Если нет, то зачем же тогда тот «кто-то» заставляет меня возить дым на ветер?) Тот «кто-то» заставляет меня пребывать в уверенности, что мою книгу издадут, и она получит широкий резонанс. И тогда вот эти строки расскажут читателю «что» и «как».

И ещё один аспект моей жизни, который от меня не зависел, беспокоит меня всю сознательную жизнь. Сколько себя помню, интересные случаи, происходившие со мной, с моими знакомыми и со знакомыми моих знакомых, откладывались в моей голове на определённую полочку. При этом в уме сопровождалось: «Это для рассказа». И когда я пишу, память вдруг выдаёт на-гора что-то умопомрачительное, которому в субботу сто лет будет.

Ещё об одном аспекте не могу умолчать: не мешать то-

му, что происходит со мной, досмотреть «картину» до конца. Никогда не забуду такой случай. Я на Колыму приехал осенью (не по этапу, а по распределению ВУЗа). Все деньги, что получил в виде компенсации за столь опрометчивый шаг и за отдалённость от цивилизации, я выложил в магазине за охотничью амуницию. Сосед по дому Женя Прожога (фамилия точно отражает его характер) обещал мне великолепную весеннюю охоту на уток. День и ночь я о ней грезил. И вот в пятницу после работы мы пошли на берег Колымы, от посёлка нашего в десяти километрах, на то место, где я должен получить, говоря современным языком, кайф. Кругом снег, воды нигде нет, и Колыма спала под двухметровым льдом беспробудным сном. «Какая тут может быть охота? – подумалось мне.

–Какая тут охота! – громко заматерился мой сосед, и, не снимая с себя рюкзак, стал разворачивать оглобли.

–Погоди, Жень, – опешил я, – всю зиму мечтал...

–Ты можешь остаться. «Завтра появится вода, и точно будет утка, – уверенно стал убеждать меня сосед, – я просто устал на работе, не знаю, дойду ли до дома, но постараюсь», – говорил мне человек, проживший здесь двадцать лет, который знал каждый куст, каждый поворот Колымы. Он-то рассуждал, глядя со своей колокольни, не учитывая, что я профан в охоте, новичок на Колыме.

Мне бы шлёпать за ним и шлёпать домой не солоно хлебавши. Остаться одному, порядком не умеющему даже ори-

ентироваться на месте, где что ни шаг, то гроб без музыки. За зиму сколько я наслушался о пропаже охотников, даже в двух случаях вместе с учениками школы участвовал в прочёсывании леса, чтобы найти тела заблудившихся мужиков. И всё по барабану. Кто-то помимо моей воли принял решение, и я остался. Зусман был, помню, невообразимый. Зуб на зуб не попадал. Краковская колбаса в моём рюкзаке так смёрзлась, что сыпалась на крошки в моих руках. Хлеба я так себе и не смог отрезать, – буханка превратилась в кирпич. В водке плавал кусок белого льда, а я никак не мог придумать, откуда он там взялся, вроде бы в магазине брал нормальную водку, видимо просмотрел.

Как я не околел, не знаю. Мне в голову не пришла мысль развести костёр, – ведь дров было навалом. Спасла меня водка, вернее, остаток (кусок льда не в счёт). Часто, бывало, смотришь фильм, где уже полу мертвецу в рот наливают спирт, и он оживает. Я не верил этому никогда до той минуты, пока самому в полу мертвецком состоянии не довелось прочувствовать. Я не глоток сделал, а только язык намочил и чуть нёбо. Вы бы видели, что со мной происходило! Сначала меня начало колотить, затем тут же такой жар разлился по всему телу, ноги в охотничьих сапогах стали мокрыми, от рук и лица шёл обильный пар, словно я вышел из парилки. Сейчас не место подробно рассказывать о случившемся, но уток утром я всё же настрелял. Теперь возникла другая задача: в какую сторону идти, где посёлок, где мой дом? Вес-

ной на Колыме снег покрывается крепким настом, – и наших вчерашних следов абсолютно не видно. Снег белый, белый слепит глаза. До обеда я, грелся на солнце так, что разделся по пояс. Всё вглядывался в горизонт, не появится ли кто. Только теперь я понял, в какую голову я сел. Думать я уже ни о чём не думал. Вдобавок, от яркого солнца и белого снега перед глазами пошли красные круги, я стал терять зрение. По неволе стал прислушиваться к шуму и гулу, которые постепенно нарастали: то просыпалась Колыма, и не сегодня, так завтра затопит всё вокруг. Я находился в оцепенении, а точнее сказать, в протрации. Опомнился, когда какой-то мужик натягивал на меня рубашку, свитер, потом куртку. Рабочий аэропорта (дай Бог ему долго пожить), заядлый охотник спас меня и вывел к дому.

В задачнике спрашивается: «На кой хрен мне такая музыка?». Ответить вразумительно не могу. Только догадываюсь. Хотелось увидеть, а что дальше будет. Этой осенью, например, я один жил на даче. Вечером как-то только закимарил, вдруг на чердаке началась такая свистопляска, аж каждый волосок на моём теле встал «в ружьё». Ума не приложу, что это могло быть.

– Да ты трус, – стала отчитывать меня жена по телефону, когда я рассказал ей об этом. – Встал бы, поднялся по лестнице и посмотрел, кто там и что.

– Щщцаз!, – отвечаю ей, – может быть ещё фотоаппарат взять и попросить, чтобы позировали. Свистопляска длилась

минут пятнадцать, я чуть скрипнул диваном, и всё разом стихло.

На следующий вечер всё повторилось, уже целых полчаса кто-то метался по чердаку. Я замер, и ждал, чем это всё кончится. Потом выяснилось, крысы заготавливали на зиму сливы: очень любят, сволочи, сливовые косточки.

Выходит, так, что некоторые поступки я совершал и созерцал не по своей воле. Как-то всё получалось, само собой. Я не очень-то хотел того, но и не сопротивлялся. Ещё Толстой советовал: пусть жизнь течёт сама собой, не надо её подправлять, – так Богу угодно.

Я её и не подправлял. Она у меня как шла в ансамбле, так и шла. Курьёзов моя жизненная позиция преподносила мне достаточно. Были такие, что после случившегося мне не место было в ансамбле, где-то на периферии надо было ляжку тянуть, – через день на ремень, через два на кухню. Но Бог миловал.

Высокомерием я не страдал и со всеми ребятами из ансамбля был на равных. Это по-своему оценили «старики». Как с ровней, делились со мной новостями, секретами. Они как бы ввели меня в свой «кружок», делаясь со мной разными соблазнами. Помню такой случай. Все пятеро «стариков» в воскресенье ушли в увольнение с десяти утра и до отбоя. Уже прошла вечерняя поверка, дневальный вырубил основной свет в казарме, оставив ночник. Только тут гуськом стали заходить «старики», снимая на ходу ремни и гимнастёр-

ки. Спать они не легли, а попросили меня пойти с ними в каптёрку. Там они стали тихонько пересказывать друг другу (а стало быть и мне) перипетии прошедшего дня. Предварительно договорились с девчатами (прямо скажем, лёгко поведения) встретиться и провести весь день у кого – ни будь из девчат на квартире.

–Нет, чуваки, а стол был просто шикарным, – восхищался Ребров Вася, – а я как кусок мяса съем, меня так на баб тянет

–Да-а! – подхватил Нил Кифоров, – девчонки постарались. Балык, карбонат с грудинкой. Икра чёрная и красная. А коньяку, хоть опейся.

–Ну, и мы не хухры-мухры, – вставил Гурген Таидзе. – Не ударили в грязь лицом.

–Ха-ха-ха! – засмеялся Ребров, повернулся ко мне и стал уже мне рассказывать. – Сидим на кухне, пьём, закусываем. Гурген со своей милкой в спальне «пошёл в очередную ходку». Потом вышел, подсел к нам, стал пить и закусывать. Вышла и милашка, застёгивая на ходу халат: «Бедненький, ешь, ешь» – сказала она Гургену, – устал, проголодался: всё-таки пять ходок сделал», – она хотела его погладить по голове, но Гурген резко повернулся, выставив перед собой руки, со словами: «Не подойди! Шестая будет».

«Старики» долго ещё хохотали, вспоминая всё новые и новые эпизоды. Реклама, скажем откровенно, превосходная. Но одно дело слушать, а другое.... Они пообещали в следующем раз и мне найти пару. Тех девчонок я знал. Они по-

стоянно ходили на наши концерты, сопровождали наш ансамбль на гастролях по области, как сейчас фанаты сопровождают «Спартак» или «ЦСКА». Их когорта видоизменялась, дополнялась, и уменьшалась, однако всегда были шутливыми, весёлыми, задорными. Как не быть такими?! Среди нас не было пьяниц, хотя условия жизни располагали к этому-, как сыр в масле и нос в табаке. Иметь такого жениха, а в перспективе хорошего мужа, кто ж от этого откажется!?

Дальше, надо вам заметить, речь пойдёт о самоволке. Это слово я никогда не слышал от военнослужащих прежней части. В этой же части было в порядке вещей. А всё началось вот с чего.

Часть была огорожена забором из бетонных плит. Специальные столбы с пазами, чтобы плиты не падали. Выше бетонных плит также на ребро покоились асбоцементные плиты. Они были лёгкими и непрочными. Командование части решило пустить по асбоцементным плитам колючую проволоку ряда в два, три. Это было задолго до моей службы в этой части.

Из Москвы приехали поверяющие. Увидели такое сооружение и стали в позу:

–Это тюрьма или всё-таки воинская часть?!

Короче, «кружева» заставили снять, оголив и без того слабые плиты. Они, под натиском самовольщиков, постоянно ломались: сегодня одна, завтра две, потом три. Служба тыла замучилась их восстанавливать. В одно из воскресенья

ний, «микромайор» тыла сорокапятилетний Федин привёл в летний галльон, что был расположен по соседству с гражданской автобазой, солдат – строителей с инструментами. По его приказу солдаты соорудили в крыше галльона совершенно незаметный лаз, который выводил самовольщиков в городской автомобильный парк.

–Передайте самовольщикам, чтобы впредь все ходили здесь, – сказал Федин. Но это было потом, я же пошёл в первую самоволку, когда этого лаза ещё не было.

Малым составом вечером мы давали концерт в какой-то швейной фабрике. У всех, в связи с этим, были увольнительные до двенадцати ночи. Мы, «старики», должны были остаться на ночь, где для этой цели была приготовлена квартира и закусон с выпивкой. Молодые ребята (салаги) с музыкальными инструментами «на плечо» обязаны вернуться в часть. Сразу после концерта за кулисами рекой полилось шампанское. Я не знал, что от шампанского можно так запьянеть. Все назююкались до поросячьего визга. Молодые в крытой машине с инструментами поехали домой. Мы же смурные, шумной компанией поплелись на приготовленную квартиру. Некоторые девчонки наперёд убежали накрывать столы. Тут перед нами вырос, откуда ни возьмись, военный патруль. Мы в рассыпную! Я спрятался за толстым стволом дерева, другие ринулись в подворотни, в дворы. Остались две девчонки, что вели под руки Женю Никишина, нашего конферансье. Он для бегства не годился, слишком тяжёл

был. Ах, Женя, Женя! Надо же такому случиться.

Патрульный офицер скомандовал своей братве:

– Догнать и привести всех сюда.

Я за деревом ни жив, ни мёртв. Солдаты патруля, сильно топоча сапогами, однако не сильно то быстро бежали. Поравнявшись со мной, не поворачивая головы в мою сторону, один тихо сказал мне:

– Дрожишь, как заячий хвост?!!, – и продолжая бежать, добавил – продолжай стоять, пока мы не уйдём.

Я смотрел, как они для виду бегали из двора во двор, никого не поймали, но чужого не нашего какого-то солдатика сцапали в подъезде и привели к офицеру. Две девчонки умоляли офицера отпустить Женю. Вначале он был как бы не против (лишние хлопоты по отправке Женю на «губу» офицеру не доставляли удовольствия). Солдаты шептали ему: «Беги», но он «полез в пузырь». Стал доказывать офицеру, что он незаменимый конферансье в ансамбле, и завтра генерал Пригожин «накостыляет» этому офицеру, а его, Никишина утром же отпустят. Ах, Женя, Женя! Он действительно был великолепным конферансье. Как он изображал на сцене пьяных мужиков!!! Зал обхихатывался. Если бы он сейчас мог со стороны посмотреть на себя пьяненького. Ещё лучше бы изображал пьяных мужиков. Но не Судьба. Больше Женя ничего не изображал на сцене. Отсидев десять суток на гауптвахте, Женя покинул ансамбль. У строгого Чистосердова незаменимых людей не существует. Отправил Никишина

на периферию нести простую армейскую службу через день под ремень, через два на камбуз, а ведь он собирался с характеристикой из ансамбля поступать в театральный институт. Не срослось, а жаль.

Прости, дорогой читатель, что так густо замешал нелицеприятных красок. Ведь всё, что я описал только что, как копия могла приключиться со мной. Ведь только толщина дерева, за которым я продолжал дрожать, спасла меня от неприятной участи. Но радости в этом очень и очень мало. Патрульная машина увезла всех, кроме меня. Мне стало одиноко и горько до слёз. Все обо мне забыли. А ведь город – миллионник для меня, как джунгли Амазонки. Кругом лампы, рекламные подсветки высвечивали улицы так, что я виден был словно на ладони. И я, как слепой блуждал по улицам совершенно не знакомого города. Куда идти? Где искать часть? Ни названия улицы, ни места расположения части я не знал. Время было далеко за полночь. На улицах ни души, как это бывает в городах Северного Кавказа. Тишина гробовая, словно меня опустили в могилу. И только вдали слышны были скрипы трамвайных колёс, что говорило мне: я живой и на свободе. Спросить бы у кого! Я с утроенным вниманием колесил по улицам, желая встретить хотя бы одну живую душу. И встретил, но воспользоваться этим не смог. Почему? Увидев движущуюся человеческую фигуру, я пошёл ей навстречу. Обильное освещение улиц слепили мне глаза так, что плохо было видно перед собой. Когда мы приблизились

друг к другу, вдруг встречающая фигура приобрела очертания военного в форме. Ну, попал я, как кур в ошип! Вдобавок, блеснул козырёк приближавшейся фигуры. А у страха глаза велики! Ну, и влип я! Бежать уже нет смысла: фигура в нескольких шагах от меня. По мере её приближения щёлочки моих глаз постепенно сужались. Я, как страус! Только тот, чтобы его «не заметили», прячет голову в песок, я же закрывал глаза, что бы человек в форме меня не увидел. Но, когда мы поравнялись (надеясь на милосердие идущего) я отдал ему честь. В ответ услышал: «Здравствуй солдатик». С закрытыми глазами меня пронесло мимо человека в форме. Сделав несколько шагов по инерции страха, я остановился и оглянулся. От меня торопливо удалялся человек в форме железнодорожника. Наверное, проводник спешил, а может быть, даже и опаздывал к поезду. Пока до меня, как до жирафа, дошло, что надо было бы расспросить, куда мне идти, человек в форме исчез за поворотом. Вот досада! Какой же я всё-таки размазня и трус! Снова пришлось колесить по улицам в поисках живой души. Но напрасно. Уже светало. Я обратил внимание, что каждый раз я возвращался к одному и тому же зданию. Раньше во всех областных центрах были построены здания Совнаркомов. Они напоминали Большой Театр. С такими же колонами, только наверху вместо лошадей на фронтоне были огромные часы, и, как правило, они не ходили. Даже шутка такая жила одно время: «Стоят часы? Мы же счастливо живём, а счастливые часов не наблюдают».

Так вот, подойдя в очередной раз к этому зданию и увидев свет в вестибюле, я набрался смелости, стал подниматься по ступеням. Меня заметил сторож, пошёл мне навстречу, открыл дверь. Я прикинулся вестовым, якобы по тревоге вызывавшим командира роты, заблудился, и не знаю, как найти дорогу обратно. Сторож чётко объяснил:

—За этой высоткой под неоновой рекламой стоит кафе «Ромашка». Пойдёшь от этого кафе прямо по правой стороне улицы, как раз дойдёшь до забора части. Иди вдоль забора, не сворачивай и как раз увидишь проходную с дежурными военными.

Как раз вот этого нам не надо! Дежурный офицер, солдатики из его окружения. Я мог с успехом сдать патрулю. А ночь на пустынных улицах, проведённая мною в таких муках и волнениях, выходит не в счёт?!!! Нет уж дутки. Пришёл к забору, перед ним взял вправо, как учил меня Женя Никишин ещё задолго до этой самоволки. Он открыл мне один секрет, о котором знал только он один. Он являлся нештатным библиотекарем. Библиотека примыкала к сцене армейского Клуба, на которой мы ежедневно вели репетиции. Так вот нужно было перемахнуть через забор, что я и с лёгкостью сделал, и затаиться в кустах. По периметру забора росли большие деревья, а между деревьями густой кустарник. Чтобы попасть в казарму, нужно незаметно проскочить через весь плац. Хитрецы —самовольщики делали так. Сидят в кустах, пока в казармах не объявят подъём. Солдаты из ка-

зармы выходят на плац делать физзарядку. Самовольщики снимают гимнастёрки, кителя и незаметно присоединяются ко всем остальным. Мне же этого ничего не надо было делать: ждать подъёма, снимать гимнастёрку. Я крадучись пробирался к зданию Клуба, к окнам библиотеки, которые выходили к забору. Крайнее окно Женя никогда не закрывал на шпингалеты. Осторожно приоткрыл створку, я забрался в помещение. А тут я уже хозяин! Английский накладной замок давал возможность очутиться на сцене. От входа в клуб у меня, как у руководителя ансамбля, был ключ. Я, как ни в чём не бывало, появился на лестничной площадке казармы. Уже был подъём, и солдаты спускались на физзарядку. Многие кинулись ко мне с расспросами, разумеется, задаваемые шёпотом. Откуда дошла до них весть? Оказалось, что дежурили в патруле наши солдаты из роты связи, а офицер был из комендатуры. После дежурства связисты всё рассказали. Как пытались помочь Жене сбежать, как за деревом видели молодого бойца. Они меня ещё не знали, а когда им объяснили, кто этот молодой боец, то после завтрака пришли к нам на репетицию и спрашивали меня: «Ну, что, заячий хвост, живым остался?» Конечно, обо всём этом комсостав части ничего не знал. Всё было шито – крыто. Это не лучший пример для подражания. И молодым читателям не стоит заострять внимание на этом случае. А пример с Женей, говорит о том, что во всём должна быть мера. Подстрелил себя на взлёте. После «губы» Женю отправили заканчивать службу на пе-

рефирию. Это означало: через день на ремень, через три на кухню. Мне же, салажёнку, трубить и трубить, как медному котелку. Но главное, – поступить в университет. Времени и возможностей у меня для этого предостаточно.

Мои университеты

Начну ка я с заковыки, которая, как заноза, чуть не порушила мои планы.

К нам в танцевальную группу ансамбля ходили девчонки. Среди них была девушка Люда дочь замполита части, который очень уважал меня, но оказалось до поры до времени.

Дочка его, как говорится, втюрилась в меня по самые уши, и ловила каждый мой взгляд. Чтобы она напрасно не тешила себя надеждой, в какой-то момент я признался ей, что «меня далёкая любимая ждала». Ведь у меня же была Галя (читай рассказ «ПОПУТЧИК»). Она вспыхнула, как спичка, зажжённая в слепой темноте. Выскочила из клуба и больше в ансамбле не появлялась. Но на этом дело не закончилось. Я догадываюсь, что Люда рассказала своей мамаше, которая до этого меня просто обожала. Она не пропускала ни одного концерта нашего ансамбля. Мамаша Людмилы во мне души не чаяла. Относилась, как к родному сыну. Подробности вряд ли здесь уместны. После моего признания Людмиле всё это, как ножом отрезало. И если мамаша «отрезала ножом», дочка вспыхнула, как спичка, то папаша так бабахнул, просто подстрелил меня на взлёте. Приказы жены для подкаблунника – это табу. Даже приказы «сверху» не стоят с ними

уровень. Выслужиться дома, доложить, что обрезал крылья желторотику, обрадовав тем самым жену, многого стоит.

Ведь у меня была мечта. После окончания школы поступить в университет. И вот «недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах»

В те времена солдат Советской армии имел право досрочно закончить службу, чтобы поступить в ВУЗ. Если не поступал, то дослуживал в местном военкомате. Нам же МВДешникам(тогда МООП) такая лафа не светила. Можно было с разрешения начальства поступать в местный ВУЗ, а, если завалишь экзамены, то служи до звонка, т.е. жди приказа МИНОБОРОНЫ. Как раз этот вариант меня устраивал.

На этом я армейскую тему заканчиваю, но не прощаюсь с ней, ибо ещё не раз придётся к ней возвращаться. Разве можно забыть Армию?! Она же, как родная мама, сделала из меня человека.

В мае, написав заявление, не подозревая ни каких подводных, я пошёл к замполиту, то бишь, к папаше. Мой авторитет не только в части, где был прописан ансамбль, но и в дивизии, в чьём непосредственном подчинении мы находились, был, прямо скажем, на высокой планке. Невзирая на это, папаша вдруг опустил меня с небес на землю. Он тихо и скромно сказал:

–При всём уважении к вам, я не могу дать разрешение.

Меня словно в прорубь опустили и подержали там какое-то время. Я долго не мог опомниться. Довольно длин-

ной паузой воспользовался и папаша. Возвращая моё заявление, подполковник походил на довольного кота, перед которым трясся от страха и смущения мышонок. Наслаждаясь сработавшей «оплеухой», папаша, злорадствуя и издеваясь, погрозил мне пальчиком, сказав:

–Осмелюсь напомнить тебе о самоволке на обувную фабрику. Ты думаешь, тут лохи сидят?! Шалишь, брат, шалишь. Мы не зря хлебушек едим... – подполковник Чибис ещё что-то бубнил, чего я уже не мог слушать, ибо его «выстрел» оглушил меня, сделал похожим на выжатый лимон. Покачиваясь, я вышел из штаба и не знал, как быть дальше. Кому пожаловаться, кому поплакаться в жилетку, у кого искать поддержку?! До Бога, ой! как высоко, и рядом ни одного «отца родного» нет. Ах, социализм, социализм! Привыкли мы к твоей соске, к «материнской титьке», – без них мы просто пустое место. Что-то ещё мерещилось в моём мозгу, но басовитый голос капитана Чистосердова вывел меня из кошмарного сна:

– Мы уже и старших по званию не замечаем, честь не отдаём. Как-то это на тебя не похоже. Что случилось? Ты в слезах, – Владимир Сергеевич (так худрук разрешал звать его, когда мы были с ним тет-а-тет) ловко взял моё заявление и стал на ходу читать, двигаясь в сторону подъезда, где в полуподвале находилась оркестровая студия. Я ковылял за ним. Возвращая лист, капитан сказал, – понятно. Тебя маленько контузило. Но ты же боец. Крепись! В жизни нашей, – он

подчеркнул последнее слово, – бывает и хуже, но реже. – Владимир Сергеевич захохотал своим раскатистым басом, перед дверью в студию взял меня под ручку. Почти шёпотом спросил, склонив на бочок голову, как бы приготовился слушать мой шёпот. – Слово «отказать» понятно, но почему без «оглашения причин отказа». А?!

Пришлось рассказать ему про самоволку. И хотя времени с той поры утекло ой-ё-ёй сколько, мне стало стыдно перед этим святым человеком. Уши мои и лицо стали пунцовыми. От кого я скрывал так тщательно свою оплошность?! Почему не признался сразу?!!

– Дурак, батенька, дурак! – раскатистый бас его смягчила драпировка стен оркестровой студии. Но смех, последовавший за этим, слышен был, наверное, в соседнем подъезде. Я уже приготовился вслух выразить согласие со старшим по званию и по положению, но капитан прервал мои намерения.

– Я не про тебя, – успокаивающе мягко сказал Владимир Сергеевич, подсаживаясь к столу. Он ловко переложил языком дымящуюся сигарету из правого уголка губ в левый, прикрыл левый глаз от дыма. Снова хохоча, взял красную трубку с красного телефона. Это связь с управлением дивизии.

– Товарищ полковник, здоровья желаю! – капитан говорил с замполитом дивизии полковником Бабушкиным, продолжая хохотать, – да рассмешил тут меня ваш любимчик, начальник ансамбля.

–Что случилось? – послышалось в трубке в ответ.

–Ему подполковник Чибис не дал разрешения поступать в университет.

Уже второй раз за довольно короткий промежуток времени я «упал с неба на землю». По тону разговора двух офицеров, я понял, что оба они недолюбливали Чибиса. Даже насмеялись над ним. Меня второй раз макнули в купель. Как засыхающий комнатный цветок после полива, я стал приходить в себя. Для меня это значило, что ещё не всё потеряно.

Чистосердков отслонил трубку от уха, чтобы я хорошо слышал слова полковника. Он приказывал мне идти снова в кабинет Чибиса с заявлением. Через пять минут он позвонит подполковнику.

Когда я открыл дверь кабинета Чибиса, красный телефон так затрезвонил, что, наверное, и на улице было слышно. Подполковник, как ошпаренный, вскочил со стула, вытянулся в струнку, будто на пороге появился не я, а полковник или, не дай бог, генерал, командир дивизии. Я не решился заходить в кабинет, а прикрыл дверь, но не до конца, чтобы слышать хотя бы окончания разговора, и тогда войти. Этого делать мне не пришлось. Когда в красной трубке громко звякнуло, к двери спешно подбежал подполковник. Сквозь сжатые от злости зубы, он прошипел, как змея:

–Чтобы ноги твоей здесь больше не было, – и громко прямо пред моим носом хлопнул дверью.

Меня снова ткнули носом в лужу, повозили, повозили в

ней по грязи, и, как оплётанный, я шёл к Чистосердову. На ходу вспоминал телефонный разговор больших начальников.

–Мне совесть не позволяет дать ему разрешение, – нагло-вато оправдывался Чибис, сказав про самоволку.

–Что, он был задержан! Отбыл наказание на гауптвахте? Или вам кто-то нашептал на ушко?!!

–Информацию я получил из верного источника.

–Два года назад, когда это произошло, я тоже получал эту информацию, но ведь не пойман, – не вор.

–Так-то оно так, но мне совесть не позволяет поступить иначе.

Бабушкина удивляло упорство Чибиса. Он не ведал, что указание жены для подполковника превыше всего. Ведь послушайся подкаблучник домашнего «генерала», до скончания века. «пила» будет рвать его на мелкие кусочки. Как это неприятно. Не приведи господь!

Старший по званию и по положению офицер попытался фактами припереть к стенке строптивного вояку.

–Вспомните-ка, голубчик, последние указы головного штаба о конкурсах ансамблей министерства. Кому там объявлена благодарность, – вам и мне. А что мы с вами сделали для коллектива. Заслуга в первую очередь худрука и начальника ансамбля. А мы с вами здесь сбоку припёку. Это они подняли творчество коллектива на такую высоту, что мы из года в год являемся лидерами министерства по этой части.

Строптивый вояка уже готов был поднять руки вверх, но на миг ему почудился суровый взгляд домашнего «генерала» и весёлая улыбка начальника ансамбля. Он нехотя выдавил из себя:

–Нет. Я не могу нарушить... – Чибис не успел договорить предложение, –красная трубка громко звякнула и запипикала. Тут он в злобе рванулся к двери, где стоял его заклятый враг, которого мало пристрелить, хорошо бы стереть в порошок. «Свалился на мою голову!»-подумал офицер и толкнул входную дверь.

–Чтобы ноги твоей здесь больше не было, – и громко прямо пред моим носом хлопнул дверью.

–Можешь не рассказывать, – я всё знаю, – басовито и весело встретил меня капитан. В углу студии сидел контрабасист Жуков, натирал смычок канифолью. Он всегда приходил на занятия раньше всех. Капитан на вращающемся стуле крутнулся в мою сторону. – Слушай меня внимательно и запоминай. Ты теперь не начальник ансамбля, как числился в штабе части до этого. Хватай выше!!! Ты помощник замполита дивизии по комсомольской работе.

–А он не комсомолец, – дружелюбно вякнул контрабасист.

Капитан аж подпрыгнул на стуле от этих слов.

–Как?!! Это правда?

Я молча кивнул головой.

–Рядовой Жуков. Свистать всех в Ленинскую комнату, –

четко скомандовал капитан, – провести немедленно комсомольское собрание, и принять этого субъекта в комсомол, – офицер в сердцах хлопнул ладонью по столу, посмотрев на часы, добавил, – через полчаса доложить мне.

Так в моём военном билете появилась запись: «Назначить на должность помощника замполита дивизии по комсомольской работе. Присвоить звание ефрейтор. Определить денежное довольствие в размере 10 рублей 40 копеек в месяц согласно штатному расписанию».

В назначенное время мы с Жуковым вернулись в студию, доложили капитану. Оркестранты ещё не собрались. Они все, исключая Жукова, были сверхсрочниками (многие солдаты их звали почему-то макаронниками). Капитан попросил Жукова ненадолго покинуть студию. Пододвинул к своему столу, стоявший у стены стул, пригласил меня присесть. В такие минуты худрук своей человечностью походил на моего дядю. Кстати, как и дядя Леня, Владимир Сергеевич был старше меня всего на семь лет.

–Слушай меня внимательно. Теперь твоя судьба в твоих руках. Не дай бог, оступиться, допустить какую-то оплошность, – загремишь, как говаривал актёр Новиков, под фанфары. Тебе нельзя показываться на глаза Чибису. Мы уезжаем на гастроли, ты остаёшься один. Спрячься в казарме, закройся в каптёрке и зубри свои билеты. Мышкой пробеги по лестнице до столовой и обратно. Я понимаю, как это сложно, – почти месяц жить инкогнито, но иного выхода у тебя

нет. И самое главное. 1-го июля в Неске будет смотр песни и строя. Сам комдив и генералы головного штаба будут в комиссии принимать парад. Если тебя не будет, мне хана, голова с плеч. Не подведи. Я на тебя надеюсь, – помолчав чуть-чуть, капитан глубоко вздохнул и продолжил, – сейчас зайди на вещевой склад к старшине Телегину, возьми у него лычки и пришей к погонам немедленно. Второе. Завтра после занятий с хором, трамвайчиком добирайся до управления дивизией. Там твоё новое место службы. Зайди к полковнику Бабушкину. Он даст тебе разрешение на поступление в университет. А сейчас иди в клуб, ребята ждут,

На крыльях мечты я рванулся к выходу из студии. Вдогонку мне капитан крикнул:

– Не забудь про лычки.

Несколько дней я занимался с ребятами и ходил на новое место службы. За это время успел сдать документы в университет. Взял там расписание экзаменов и консультаций. Как-то разговорился с кларнетистом Зиминим. Мы с ним были на дружеской ноге. Кратко рассказал ему, в какую передрагу попал и о том, как мне предстоит прожить этот месяц.

– На ловца и зверь бежит! – радостно воскликнул Валера. – Я хочу взять с собой на гастроли жену свою Нину. Она упирается. Говорит, что на кого оставим кошку, её любимицу. А главное, комнатные цветы засохнут. Кто их будет поливать? Вот ты как раз и будешь садовником. А потом к концу месяца Нина вернётся. Вы поменяетесь с ней местами: Нина

домой, а ты на гастроли.

Лучшего варианта вряд ли можно было придумать. Мне и невдомёк, что вариант этот придумал не кто иной, как Владимир Сергеевич. Он распорядился, чтобы Нину оформили танцовщицей. И она пришлась ко двору: объявляла номера концертной программы. У неё неплохо это получалось. Не хуже, как когда-то это делал Женя. Так и прижилась в ансамбле в роли конферансье.

Пора бы уже и заканчивать армейскую тему, но, боюсь, что один эпизодец спокойного житья не даст.

Валера, прежде чем познакомить со своими соседями по квартире, передел меня в гражданскую одежду. Таким образом я замаскировался от всяких бед. Но на третий или на четвёртый день тихой жизни, я было не попал впросак. Тогда бы капитан Чистосердов поплатился всем, чем можно полатиться. Я возвращался из университета, решил сократить путь и пошёл через сквер к дому, а не в обход. Вижу, по аллее прогуливается генерал Порошин со своей женой. Я тут же слинял в кусты орешника и перепрыгнул через забор, с глаз долой высочайшего начальства. Он, конечно, вряд ли бы узнал меня в гражданской одежде. Но жена его Татьяна Дмитриевна меня бы точно окликнула. Она работала режиссёром на телевидении. Мы, ансамблисты, частенько принимали участие в её передачах в массовке, к тому же в гражданской одежде. Честно признаюсь, делали это не бесплатно. Как же мне повезло, как же пронесло мимо такой лажи.

Рад я был до безумия, – ведь мог подвести капитана. В университете я стал пробираться дворами, озираясь по сторонам. Ходить туда приходилось каждый день. Надобно вам знать, что каждый абитуриент факультета журналистики обязан был сдать в деканат вырезки своих материалов из газет. По этим материалам проводился творческий конкурс. По результатам конкурса отбирались будущие студенты. Список с баллами должен был появиться со дня на день. Если твоя фамилия в конце списка (8 человек претендовало на одно место), то пакуй чемодан и айда на гастроли. Помнится, молодой парнишка из Кишинёва умывался горькими слезами, увидев свою фамилию на последнем месте.

– У меня же красный диплом, с золотой медалью окончил школу, – скулил незадачливый парнишка.

Из группы абитуриентов, глазевших на список, отделился мужчина с большими залысинами, горбатым носом и маленькими выпученными глазками, подойдя к нему, стал утешать беднягу:

– Не горюй парнишка! В жизни нет такого положения, из которого не было бы двыхода. Правда, один рассудительный еврей нашёл-таки положение с единственным выходом, – толпа абитуриентов стихла и повернулась к говорившему лицом. А тот продолжал. – Этого еврея вызвали в военкомат, выдали повестку идти на войну. «А другого варианта нет!» – спросил он военкома. Уж больно не хотелось лезть под пули. Военком отрицательно закрутил головой. Дома жена в слё-

зы. «Ну, погоди! Давай порассуждаем», – сказал новобранец. «У меня есть два выхода: я попаду на фронт, а могу и в тылу стать писарем штаба. Допустим, что попаду на фронт, – опять есть два выхода: пойду в рукопашную, и не известно, кто кого убьёт, – я немца или он меня. Допустим, он меня. Всё равно у меня есть два выхода, – толи в рай попаду, толи в ад. Допустим, в ад и чёрт меня там съест. И всё равно у меня есть два выхода», тут новобранец смолк, и тихо выдохнул всей грудью: «Ан, нет. Остаётся только один выход».

Толпа абитуриентов, что называется, сорвалась с тормозов. Гогот невероятный заполнил лестничную площадку всех этажей, снизу доверху.

Незадачливый парнишка, малость успокоенный анекдотом пучеглазого, фыркнул носом. Да так, что под носом у него сопли вздулись пузырьём. Тут толпа ещё громче разразилась смехом. Пучеглазому пришлось поднять вверх обе руки, чтобы успокоить хохотавших. Он обратился к сконфуженному парню, убиравшему кулаком причину конфуза:

–Сходи в деканат, заверни заявление с факультета журналистики на филологический. Тебя там сграбастают с руками и с ногами. И ты окажешься в полушаге от своей мечты. При желании можно потом легко перейти на журфак.

Я нашёл себя в списке под десятым номером. Размышляя об экзаменах, мне пришлось решать непростой вопрос: одно дело прошмыгнуть мышонком в спортивной форме, чтобы найти себя в списке, и другое дело, – в чём ходить на эк-

замены? Верх взяло соблюдение закона, это, во-первых. Во-вторых, отношение к солдатам в то время было не то, что в говённые девяностые годы. В этом я убедился на первом же экзамене. Сдавали русский язык устно. Все ответы я знал наизубок. Но ночью вдруг меня чёрт дернул, – я вскочил от мысли, что запамятовал правила о междометии из одиннадцатого билета. Сон, конечно, по боку. Открыл учебник, – давай зубрить. И что бы вы думали?! Именно этот билет мне достался. Вторым вопросом были предлоги, а третьим отрывок из поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри», которую я знал всю наизусть.

Экзаменатор, женщина пятидесяти лет, ставя в ведомость пятёрку, сказала:

– Солдатик! Я думаю, что строгое начальство похвалит вас за такую оценку.

– Конечно, – согласился я с ней, – а сам подумал: «Особенно Чибис».

Другие экзамены прошли также гладко. Особенно по немецкому языку. Мне достался перевод незнакомого текста. Смысл юморески таков. Один иностранец забрёл в немецкой лесной деревушке, назовём это так, в кофе. Языка он не знал, поэтому нарисовал на бумажной салфетке гриб, подал её подошедшему хозяину.

– Зер гут, – откланялся хозяин кофе, взял плетёную из хвороста корзину, хлопнув дверью, вышел вон из дому.

Когда я это пересказал экзаменаторшам, двум молодым

дамам, они расхохотались, – не остановить. Смеялись довольно долго и громко. А я дрожал, как заячий хвост. В последнем предложении, где скрывалась развязка юморески, я не перевёл ни одного слова, и страшно боялся, что это повлияет на оценку. Но пронесло! Дамам было не до того. Они продолжали безудержно смеяться, толкая друг друга в боки. Наконец-то, видя, что я заждался продолжения экзамена, одна дама сказала:

–Переходите ко второму вопросу, – сдерживая смех, спросила. – Какая у вас тема.

Я тихо усмехнулся, как бы выражая с дамами солидарность в хохоте, назвал тему:

–Достопримечательности ГДР.

–Рассказывайте, – предложила вторая дама, усмиряя свой смех и приложив платочек к глазам.

Надо вам знать, что учительница немецкого языка в школе дома офицеров была строга, и я все темы выучил назубок. Однако маленькая неувязочка всё-таки произошла на экзамене. Привычным тоном я перечислял Трептов Парк, монумент советскому солдату, со спасённой девочкой на руках и так далее. В один момент одна из экзаменаторш меня перебила вопросом:

–А вы были в ГДР? Откуда так хорошо знаете эту тему? – словно в дружеской беседе поинтересовалась она. И тут я оплошал. Ответил на русском:

–Нет, не был.

–На немецком отвечайте на вопрос – парировала мой ответ вторая экзаменаторша.

Я растерялся и в конец смутился. Одно дело вызубрить тему наизусть, перевести незнакомый текст. И другое дело владеть разговорным языком. В голове одна мысль теснила другую: «Нет. В ГДР не был. Или сказать развёрнутое предложение». Ни то, ни другое у меня не складывалось. Дамочки снова расхохотались и поставили мне пять.

На остальных экзаменах подобных казусов не наблюдалось. Хотя честно признаюсь, за содержание сочинения я не переживал. А вот грамматические ошибки наверняка насмешили до слёз проверяющих. Я и сейчас грамотей некудышний. Забегая вперёд, честно признаюсь, на госэкзаменах в университете немецкий сдал на пять, а по русскому стоит тройка. Критических мыслей тогда в моей голове не возникало. Зубрёжка правил русского языка теперь похожа на колымский загар. Несколько дней в одних плавках катаешься на лыжах по склонам Солнечной долины под Магаданом. Кожа на теле с каждым днём всё темней и темней. А станешь под душ, – тело тут же станет белым, и нет следов загара.

Тогда же, перед экзаменами по истории и сочинению мне был заранее известен результат поступления в университет. Десятое место в творческом конкурсе печатных материалов гарантировал мне успех. Об этом рассказал всё тот же молодой человек, рассказавший анекдот про рассудительного еврея. Его сестра училась здесь на втором курсе. Поэтому

он был напичкан всеми секретами студенческой жизни. Ба-
лагур и весельчак, Толя Берман, станет заводилой курса.

И овцы целы, и волки сыты

Быль университетская.

Уроки немецкого.

(Письмо первокурсника брату)

"Колян, привет! Извини, что долго молчал. Есть на то причины. Помнишь, я тебе рассказывал о Сан Саныче, преподавателе немецкого. Ну тот, что всегда "под мухой" ходил. Какая лафа при нём была! Футбол, спиртбол! Не до занятий было. За этот год мы забыли даже то, что в школе учили. Двух слов связать не могли. Представляешь, недавно Сан Саныча турнули. Мало того, на его место пригласили чистокровную немку. Она в Дрезденском университете преподавала русский. Хельга Вильямовна Штосс. Занятия ведёт, исключительно на немецком. Злая, как мегера. В параллельной группе на первом уроке двадцать пять двоек поставила. А у нас на занятии был такой приколот, – упадёшь-, не встанешь!

–Кто староста группы? – на своём родном застрочила немка, как из пулемёта. А мы ни бельмеса не понимаем. Попрятали головы, как страусы.

Тут Толя Берман (ты его знаешь, рыжеволосый такой, с большими залысинами и маленькими рачьиими глазками на выкате) толк в бок своего соседа Валентина Грищука. Валентин – староста нашей группы. Видел бы ты его – умора. Тщедушный – тщедушный – кожа да кости. Грудь – как у цыпло-

ка коленка, – бей чем хошь, только потихоньку. Одним словом, живой свидетель Хиросим).

Так вот, значит, Толя толк Грищука в бок:” Она спрашивает, кто староста группы”.

Валентин робко потянул руку вверх, а затем и сам поднялся:

–” Ихь...”, то есть “я” по-немецки.

–Зер гу-утт! – цепким взглядом стрельнула немка на хующего студентика, мол, очень хорошо, а сама намотала на ус, что её вопрос староста разгадал не без помощи соседа. – Что у вас было сегодня на завтрак? – всё также сухо пустила немка вторую очередь. Валентин, естественно, ничегошеньки не понял из её слов. Чтобы не выдать себя, закатил глазки к потолку, будто обдумывает ответ, а сам теребит, теребит за рукав Бермана, чтобы тот быстрее подсказывал. Толя уже раскрыл, было рот, но немка зыркнула на него и повторила свой вопрос. Валентин услышал знакомое слово “морген” (утро), уцепился за него, как утопающий за соломинку.

–Морген...утро...утро, – бубнил Грищук, скосив глаза на Толика.

Берман есть Берман, – любого обведёт вокруг пальца. Прикрыл ладошкой рот так, чтобы немка не видела, стал интенсивно жевать и чавкать. Немка “подсказку” не видит, но слышит, кто-то чавкает. Валентин быстренько сообразил, что от него требуют и выпалил первое попавшееся:” Ихь тринке тее”, то есть “я пил чай”.

–Зер гу-утт! – поняв, что с ней ведут нечестную игру, немка стала ещё суровее и продолжила на немецком “пытать” студента. – Что вы ели вчера в обед?

Валентин услышал знакомое слово «essen» (есть, кушать), да Берман успел шепнуть слово “обед”. Грищук, продолжая закатывать глазки к потолку, усиленно пытался вспомнить, что он вчера обедал. Наконец-то вспомнил: украинский борщ, гуляш с гречкой и чай. На радостях набрал полную грудь воздуха, чтобы выпалить ответ, но в последний момент, к ужасу своему, сообразил: он не знает, как сказать по-немецки “украинский борщ и гуляш с гречкой”. Аудитория во главе с немкой замерла в ожидании ответа. Пауза явно затягивалась, да и Валентину уже страсть как хотелось выдохнуть (лёгкие – то у него с твой кулачок будут). Он резко испустил дух и на самом конце издыхания тихо сказал:» Ихь тринке тее» ...

Хельга Вильямовна разгадала замешательство Грищука, но, видя, что тот упрямится, как партизан на допросах, решила окончательно “добить” его:

–Что у вас будет на ужин? – выстрелила немка с пулемётной скоростью напоследок. К удивлению, своему, Валентин понял вопрос и ... оторопел. Во – первых, последнее время ему не всегда приходилось ужинать, – на какие ши-ши!?! в наше – то время! Во-вторых, как выразить эту мысль на немецком при столь скудных познаниях оного? Это ж целый трактат арийской лексики для нашего студента. Ему ничего

не оставалось делать, как вздохнуть и на вздохе пролепетать:
«Ихь тринке тее...»

Немка сняла очки, изумлённо глядя на тщедушного Валентина, подалась вся вперёд, чтобы зреть его во весь рост, и чистейшим русским языком сказала:

–То-то я смотрю вы такой доходяга. Немудрено! Весь день на чае...

Мы гоготали как оглашённые.

Ну ладно, Колян, заканчиваю. Времени в обрез: нужно учить немецкий.